

Крысиные бега

Владислав Мусбахов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Владислав Мусбахов

Крысиные бега

<https://litres.ru/73894964>

SelfPub; 2026

Аннотация

Скайрим — это мечта? Для Максима, а ныне просто Сима, это суровая реальность. Он очнулся в канализации Рифтена, в теле избитого бродяги, без гроша и без права на ошибку. Здесь нет интерфейса. Нет сохранений. А магия совсем не та, что в играх. Что, если Скайрим — тюрьма для душ? Что, если Даэдра и Аэдра — не боги, а надзиратели, которые обглаживают души смертных? Потеряешь слишком много — и в следующей жизни проснёшься уже не человеком, а зверем. Или растением. Или камнем.

Содержание

Глава 1. Пустота	4
Глава 2. Крысиная нора	11
Глава 3. Храм	19
Глава 4. Город	26
Глава 5. Магия	60
Глава 6. Алхимик и сплетни	73
Глава 7. Спортзал	92
Глава 8. Травник	167
Конец ознакомительного фрагмента.	202

Крысиные бега

Глава 1. Пустота

Что же мы видим. Как в фильме «Выживший»: ты очнулся в теле какого-то бомжа, не можешь даже пошевелиться — всё тело затекло. И ты, как Леонардо Ди Каприо, в слезах, со сжатыми зубами, просто начинаешь ползти к выходу. Тело потихоньку начинает тебя слушаться. Вот ты на карачках ползёшь, со стонами. Все бомжи уже не обращают внимания на какие-то крики, а кто-то даже чем-то липким и неприятно пахнущим в тебя запустил. Но тебе всё равно. Ты ползёшь к воде.

«Вот видите этого не сломавшегося человека? Вот это я. Не сдавшийся, не сломленный. Хотя так и не понятно, откуда что берётся. Когда это смогла вылезти эта моя звериная натура, готовая грызть глотку зубами, чтобы выжить? Непонятно».

Не судите строго. Был простым человеком, звёзд с неба не хватал и прожил такую, среднюю жизнь. Что же случилось? Да ничего серьёзного. После очередного рекорда в спортзале у меня просто остановилось сердце. Да, вот так случается.

Статистика.

Думаете, случился свет с небес и всё такое? Нет, всё было более прозаично. Я просто сначала смотрел на своё умершее тело, а потом попал в пустоту. Не будем подробно все было и похороны и 40 дней, ходил как в тумане, пытался общаться с роднёй. Очень сложно осознать себя было, как будто проблесками, вот сижу, хожу как зомби, а потом вдруг нахлынет осознание, что происходит, думаешь нужно сходить туда то, поговорить с тем то человеком. Но почему-то я был спокоен не было не агрессии, не разочарования, абсолютное принятие даже облегчение. А потом даже не помню как очутился в пустоте.

Но самое интересное знаете что? Ориентироваться мне в этой пустоте помогла моя практика осознанных сновидений. Да-да, вот эта глупая практика, которую я делал чисто из любопытства, — она помогла мне ориентироваться здесь. Можно просто сконцентрироваться на каком-то вопросе, и ты тут же получаешь все ответы. В таком объёме, что, если бы был в реальном теле, наверное, мозг бы просто взорвался от этой информации.

И это самое страшное. Первые секунды — а может, часы, или дни, кто разберёт? — я не мог просто сконцентрироваться. Меня просто полоскало, как будто крутишься в бочке,

которую специально раскручивают, чтобы посмотреть, что с тобой случится.

Почему же так происходило? Я полагаю, потому что ты вдруг начинаешь видеть во всех направлениях: вверх, вниз, вправо, влево — и всё это одновременно. А теперь представьте: вы в темноте и видите во всех направлениях. Что с вами происходит? Взгляду даже зацепиться не за чем. Как будто напился, лежишь на кровати, и тебя начинает мотать, и ты не можешь заснуть.

Помог приём из реальности — как ни странно, он сработал. Я просто представил, что ставлю ногу на пол. Каким образом сознание зацепилось за этот образ, я не понимаю, но это произошло.

И тут мой мозг начал задавать вопросы. Или что сейчас у меня вместо мозга — непонятно. Но самое страшное: я начал тут же получать на них ответы.

— Где я сейчас? — Что со мной произошло? — Я сознание?

Тут же пришло: «Я умер, а сейчас нахожусь перед выбором». И сразу мысль возникла: «Может, я что-то не доделал на Земле? Может, какую-то школу не прошёл?»

Я тут же почувствовал, что меня начинает тянуть к Земле. К Земле! Тут же возникли мысли: «Почему так происходит?» И тут же пришёл ответ: «Потому что ты сам думаешь о Земле, концентрируешься, и, соответственно, туда стремишься».

Я тут же захотел отбросить все лишние мысли, чтобы хотя бы оставаться на месте и поразмышлять, что мне делать дальше. Что мне делать на Земле? Всё, что я хотел, всё, что мог сделать, я сделал на Земле. Родственникам помог. Надеюсь, они меня будут вспоминать добрым словом.

Тут ещё возникли сразу мысли: «А как насчёт прошлых жизней?» И тут на меня вывалилось такое... Как минимум десяток прошлых жизней одновременно. Я даже замер на месте, перестал двигаться в направлении Земли.

Самое интересное — в этом космосе нет ни одной звезды. Или я просто их не вижу. Какие-то протуберанцы энергии вижу, какие-то астральные города над поверхностью Земли в воздухе. Тут же стали вспоминаться разные фильмы мистического характера. А может, это просто иллюзия?

Что я могу сказать о своих прошлых жизнях? Самые тяжёлые прошлые жизни вообще находились в ядре. Тут вспом-

нились и звериные ипостаси, и чуть ли не адские миры. Вопрос: «Почему же я воплотился на Земле и не стал маньяком?» — пришёл тут же ответ: «Потому что я выбрал другое направление развития как душа. На Земле воплощался, чтобы повысить свои частоты».

— А почему я сейчас тогда сразу не попал в ад? — Потому что у тебя было хорошее настроение.

Вот представляете? Только из-за хорошего настроения я могу сейчас находиться здесь и делать выбор. Очень удобно. То есть, если бы я умер при плохом настроении, сразу бы попал в адские миры?

— А чем отличаются адские миры от нашего? — Ваш мир тоже в какой-то мере адский мир с высокой плотностью. Но всё же здесь можно проходить школы жизни. Земля — одна из проекций переходного шлюза, где души воплощаются и могут идти в разных направлениях.

Тут же возник вопрос: «Одна из проекций?» Оказывается, планета Земля имеет очень много разных параллельных версий. Для нас она одна, а параллельная Земля спокойно живёт во всех измерениях одновременно и осознаёт себя. Земля — живая. Да, живая.

Тут же вспомнились все книги, которые я читал про параллельные миры. Меня даже чуть-чуть влево повело. Тут я осознал, что такие миры существуют. Или очень похожие на них.

Почему я именно задумался о том мире, в который как-то получилось мне угодить? Причём адский мир, потому что моих заслуг не хватило на что-то большее. Да, это один из адских миров. Скайрим.

Я просто на досуге решил снова в неё поиграть, и тут почему-то она мне вспомнилась и не вылетала из головы. И меня просто начало тянуть куда-то вниз и влево. Я не смог остановиться. Меня тянуло и тянуло. Я судорожно начал вспоминать все приёмы, как можно остаться при своей памяти при перерождении. Я же много историй читал, что есть дети, которые очень долго помнят свои прошлые воплощения. Мне так не захотелось забывать хотя бы ранние воплощения! Видимо, из-за этого интенсивного желания сохранить память и одновременной концентрации на Скайрime я начал разгоняться. Меня понесло по прямой, как в трубу, без остановок, прямо в этот мир. Никаких развилочек, никакого выбора — только вперёд, вниз, в Рифтен.

Тут сразу открылась передо мной дорога, которая меня просто засосала. Вот я несусь по этой белой трубе и просто

врезаюсь куда-то в землю.

Глава 2. Крысиная нора

Пробуждение было не из лёгких.

Где-то сверху, на высоте полёта птицы, мы видим какой-то городок. Этот городок называется Рифтен. Вот мы видим приближение, камера опускается. Куда же она опускается? Ха! Опускается она в район трущоб. Вот мы видим этот неприглядный район, населяющий всякий сброд, и где-то выползающее тело — наверное, пьяное.

Что же в первую очередь я осознал? Что всё моё тело скованно, всё болит, каждая частичка просто болит. Супер. Я начал вспоминать, кто я. И тут пришло осознание, что я помню себя. Я помню, как занимался в спортзале, а потом — темнота. Помню, что разговаривал с какой-то сущностью в темноте, и опять обрывается. Я проснулся с жуткой болью. Кишки как будто бы сводит, почки жутко болят, словно камни выходят. Голова трещит. Такое ощущение как после месячного запоя бывает, не спрашивайте откуда знаю.

— Что происходит? — закричал я.

Но не услышал ничего. Только хриплый стон изо рта.

С усилием у меня получилось повернуться на живот. Загребая руками, извиваясь как уж, ползу по грязи. Или по чему-то очень похожему на грязь. Что же я чувствую? Онемение во всех частях тела — на самом деле я почти ничего не чувствую. Только лицом понимаю, что проползаю по какой-то мерзости. Пальцы хватаются за мокрые ошмётки — не то бумага, не то тряпьё, не то просто мусор. Не разобрать.

Откуда-то пришла мысль: «Трущобы. Самый нищий квартал». И тут я вдруг осознал, где нахожусь. От этого осознания я даже остановился, перестал ползти. Нужна передышка. Нужно просто полежать и подумать.

И в этот момент сработала старая привычка. Та самая практика, которую я выработал, когда каждое утро пытался вспомнить свои сны. Я автоматически потянулся памятью назад — и вдруг чётко, во всех деталях, вспомнил всё, что со мной произошло. Пустоту. Вопросы и ответы. Скайрим. Падение.

Я вспомнил.

Место — клоака в прямом смысле: это небольшой участок городской канализации, переоборудованный под убежище, расположенный прямо у канала, напротив лавки «Эликси-

ры Эльгрима». Внутри ты найдёшь охапки гнилой соломы и брошенные спальные мешки. Вся твоя мебель — это пара шатких стульев у едва тлеющего костра. На земляном полу валяются огрызки овощей, пустые бутылки из-под нордского меда и, возможно, пара флаконов скуумы.

Крысиная нора (The Ratway): Лабиринт отчаяния.

Это целая сеть канализационных туннелей под городом — «город под городом», кишачий отбросами общества. Вход туда расположен на нижнем ярусе Рифтена, у городского канала. Это лабиринт с низкими сводами, освещённый лишь редкими, чадящими факелами. Сюда спускаются только отчаявшиеся. Среди них — такие же, как ты, нищие, но в основном агрессивные бандиты, наркоманы и сумасшедшие, вроде глухого бродяги Хефида. Что за Хефид, откуда я знаю. Где-то в недрах этих туннелей, в самых глубоких и недоступных местах, прячется сердце рифтенского криминала — таверна «Буйная фляга» (или «Разбитый кувшин»). Это официальная штаб-квартира Гильдии воров. Туда не пускают посторонних, но до тебя доносятся слухи, что там, в грязном зале вокруг мутного бассейна с дождевой водой, сидят настоящие хищники этого города. Мысли причудливым образом переплетаются: и свои, и чьи-то другие воспоминания.

Передышка прошла. Вопросы задавать себе буду после.

Вокруг — запахи канализации, сырости, гнилой древесины и крысиного дерьма. Чёрт, откуда я знаю, как пахнет крысиное дерьмо? Кислый запах невымытых тел, прокисшего пота и дешёвого алкоголя вперемешку с блевотными массами.

Со стоном и напряжением пополз дальше. Почувствовал бриз. Тело дрожит от холода. Пахнет водой с тиной и испражнениями. Но я уже могу встать на карачки. Деревянный настил. Вода — мутная, грязная, не попить. Тут понял, что чертовски хочется пить. И смыть с себя всю эту грязь. Если просто упаду в воду, то, наверное, не выплыву.

Ползу к спуску по ступеням. Сразу ужом заползаю в воду. Такое чувство, что вода теплее, чем я сам. Сразу почувствовал все царапины невымытого тела, но окоченение начало спадать. Еле-еле, как мог, скинул с себя мокрую одежду. Нашупал на затылке здоровенную гематому. Как бы эта самая гематома и не была причиной моего появления здесь. Как ни хотелось просто упасть и сдохнуть — нет. Начал полоскать одежду. Хоть что-то.

На улице, похоже, минус. Не тепло. Я весь мокрый, в одной набедренной повязке. Мышцы ног начало сводить судорогой. Зацепился рукой за деревянную лестницу, уходящую куда-то вверх. Возвращаться обратно нет никакого желания,

хоть там и видны отблески костра.

Решил идти вверх. Вроде должны быть наверху факелы или постаменты под факелы. Может, удастся отогреться и просушить одежду.

Вот иду. Лесенка за лесенкой. Ненавижу лестницы. зуб на зуб не попадает, тело сотрясает дрожь.

Выбравшись на верхний ярус, я увидел главные ворота. Рядом с ними, отбрасывая на мокрую брусчатку дрожащие оранжевые блики, стояла массивная жаровня. Рядом с ней, кутаясь в плащ, дежурил стражник. Рефлекторно тело скрючило, ожидая удара. Да что со мной творится? Через силу встал, расправил плечи, прошёл мимо к жаровне, развесил шмотьё на каменное ограждение. Стражник аж опешил от такой наглости. Я сначала и не обратил на это внимания.

Слышу гортанную речь. Очень похоже на английский, но произношение какое-то другое, как будто с немецкими нотами. Но в принципе понятно.

— Эй, ты, отброс! Вообще охренел, что ли?

Обернувшись, вопросительно на него посмотрел и сказал на ломаном:

— Я тебя не сильно понимаю. Здесь нельзя вешать одежду, что ли?

Он сначала хотел что-то мне сказать, потом просто махнул рукой, что-то бурча себе под нос. Я же подошёл к жаровне — погреть и растереть руки. М-да, долго я так не протяну.

Да и задумываться о своём положении некогда было, а сейчас начал думать. Что делать? Кто я? Как выжить? Почему тело старика? Ну, или не старика, но очень уж истощенное: худые руки, ноги тощие, руки мозолистые, весь лохматый. Ладно, нет видимых на коже болезней и ран, не считая царапин.

Где я, блин? Какой город? На Вайтран не похоже.

Откуда я, блин, знаю английский? С моим, уровнем школьного образования. Ну, может, ещё сам пытался учить, но всё же. Память тела — как та же реакция на побои. А больше ничего так-то и не помню.

Вспомнил: жаровня. Эта фигня называется «жаровня». Но я же не знал, как она называется на английском. Блин, что за хрень.

Нужно думать, куда податься. Вот и рассветает. Что же делать?

— Любезный, — обращаюсь я к стражнику, — не подсказешь, какой это город?

Вижу, он достал из-за пазухи какую-то фляжку. Может, поэтому не стал поднимать шума, промелькнула мысль. Тут он расхохотался.

— Нифига, даже я до такого состояния не напивался! Да и одет ты как оборванец. Ограбили, что ли?

— Кто ж его знает. Ничего не помню. И да, если и была одежда, то теперь её точно нет. Сам даже не знаю, что мне делать. Вряд ли кто поможет, но был бы благодарен, если бы ты подсказал, что мне делать и где раздобыть одеяние.

— Ничего себе, как ты куртуазно говоришь. Видать, и правда обокрали. Даже не знаю, как тебе помочь. Могу, конечно, отвести к старшему, примем показания. Но вряд ли тебе это поможет. Может, выберем что-то из конфиската, а то валяются у нас тряпьё до последнего, не нужные никому, хоть и ерунда, но качество всё лучше, чем твои.

Он сделал глоток из фляжки, вытер рот рукавом и задум-

чиво на меня посмотрел.

— Значит так, слушай сюда. Город называется Рифтен. Если память отшибло — Рифтен, понял? А одежду... — он хмыкнул, — иди в храм Мары. Это прямо у главной площади, слева от входа, большое здание с лестницей. — он махнул рукой в сторону. — Там жрецы хорошие, может, дадут какую ряску или хотя бы тряпку, чтобы срам прикрыть. И пожрать, может, дадут.

Он снова глотнул из фляги.

— И вали отсюда, пока старший не увидел. А то решит, что я с бродягами лясы точу, Обливион тебя поberi!

Глава 3. Храм

Выжав лохмотья, я решил не надевать их — всё равно непонятно, пустят ли в храм в таком виде. Но попытать удачу стоило.

Если они там принимают всех, почему тогда это тело и все остальные в канализации тусуются? Непонятно.

Дорогу стражник указал, теперь сориентироваться бы. Храм Мары — одно из немногих мест в Рифтене, где не плюют в спину и не пытаются залезть в карман. По крайней мере, так говорят. Сам-то я откуда знаю? Видимо, память тела. Или слухи, что долетают даже до Крысиной норы.

Храм возвышается в восточной части города, зажатый между особняками Блэк-Брайар и Рифтвельд. Каменные стены, витражи, лестница с жаровнями по бокам. Для обитателя канализации выглядит как дворец. У входа никого. То ли жрецы заняты молитвой, то ли просто не ждут гостей в такую рань.

Я взялся за ручку двери, как вдруг замер.

Погоди-ка. Что я только что подумал? Богиня любви и сострадания... В этом мире, где душа — всего лишь разменная монета для даэдра, а «надзиратели» пасут смертных как скот... Звучит как издёвка.

И тут меня накрыло. Воспоминания о том, что я понял там, в пустоте, когда падал сюда. Я же задавался вопросами о мироустройстве Скайрима. И ответы приходили. Чёткие, страшные, неотвратимые.

Мир-Тюрьма. Мундус — не благословенный дар, а загон для душ. Лорхан, Шор — бог-обманщик, заманивший других богов на создание этой клетки. Аэдра — ослабленные тюремщики, вложившие свои силы в стены и теперь вынужденные их охранять. Даэдра — те, кто отказался участвовать в стройке, сохранил могущество и теперь отщипывает от пирога свои карманные мирки, воюя за ресурсы. А души смертных — всего лишь батарейки для их игр. Камни душ, зачарование, Совнгард — загон для героев, где Алдуин, взбунтовавшийся заключённый, жрёт слабых, пытаясь набрать критическую массу и вырваться на новый уровень. Но «высшая лига» не пускает, стравливает чемпионов, душил любого, кто попытается подняться.

Я даже остановился от шока, и меня аж в жар бросило. Как я тут смогу повесить своё благочестие? В монахи, что

ли, идти? Да тут даже манахи, мне кажется, с мечами. Да и толку, все равно попаду в конце на стол Аэдра, а то и хуже Даэдра, и полетят мои оболочки души по желудочкам прожорливых полубожков этой чертовой вселенной. Тут чтобы выжить, нужно убивать. Или будешь убитым. Похоже, я на долго застрял в этой вселенной как душа.

И тут на меня нахлынули воспоминания прошлых жизней. Точнее, то, что я смог осознать, пока моя душа не стала рваться на части от объёма поступающей информации.

Я часто думал, почему боюсь темноты. А тут — каждая вторая смерть в теле животного. В темноте на тебя набрасываются и начинают пожирать. Страшнее всего вспоминались смерти в морских глубинах. Жизни пастуха, клерка, воина, какого-то монаха, культиватора пронеслись как калейдоскоп, что я практически ничего не запомнил. А потом поток образов остановился. Видимо, предел пока для души — информации из ядра, где вся память воплощений. Воплощения демонами так вообще не вспомнились. Видимо, к ним я совершенно не готов. Просто знаю, что они были.

Ноги подкосились. Я рухнул на колени, а потом лицом в каменные плиты у самых дверей храма. Сознание погасло.

Очнулся я в тепле. Под головой — что-то мягкое, на те-

ле — сухая ткань. В носу стоял приторный, тяжелый запах — ладан, перемешанный с сушёными травами и чем-то ещё, сладковатым и едким. До отвращения сильный. Как они тут живут в храме с такими ароматами? Впрочем, мне ли привередничать? Я вообще в канаве жил. Полумрак, вокруг — каменные стены подвала. Подо мной — грубый деревянный топчан, застеленный соломой. Это не главный зал, а нижний ярус храма. У стены — масляные лампы.

— Мара милосердная, — раздался женский голос. — Дитя, очнулся! Мы уж думали, ты не жилец.

Я повернул голову. У постели стояла тёмная эльфийка в рясе. Динья Балу, понял я.

— Я... — голос сорвался на хрип. — Что со мной?

— Ты упал у дверей храма без памяти, — ответил мужчина постарше, с усталым лицом и сединой в бороде. Марамал. — Мы перенесли тебя внутрь. Ты весь горел, бредил, кричал что-то про даэдра и каких-то «надзирателей».

Я с трудом сел, опираясь на локоть. Тело всё ещё ломило, но хотя бы не так, как в канаве, состояние как после операции и наркоза.

— Мне бы одежду какую, — прохрипел я. — И, если можно, поесть.

— Ты из нищих? Из Крысиной норы? — спросил Марамал.

— Оттуда, — кивнул я. — Только не спрашивайте, как меня зовут. Не помню.

— Мало ли что ты не помнишь, — проворчал второй жрец, помоложе, с острым носом и цепким взглядом. — Может, ты вор или убийца. В Рифтене каждый второй — преступник.

— Мара учит нас принимать всех, Бриэль, — мягко, но твёрдо оборвала его Динья. — Её свет не спрашивает о прошлом, он исцеляет настоящее.

Бриэль недовольно поджал губы, но спорить не стал. А вот Марамал прищурился и посмотрел на меня иначе. Не как на бродягу, а как на загадку.

— Ты говоришь странно, — заметил он. — Словно язык тебе не родной. И держишься не как местный сброд. Откуда ты?

Вот же ж цепкий старик. Врать не хотелось, но и правду не скажешь.

— Не знаю. Память отшибло. Очнулся в канаве — и всё. Только и понял, что язык этот понимаю, хоть и не учил толком.

Жрец кивнул, но взгляд остался задумчивым.

— Я — Марамал, служитель Мары, — представился он. — Это Динья Балу, — кивнул на женщину, — а это Бриэль. Ты пришёл в храм, и мы не отвергнем тебя. Динья, принеси ему что-нибудь поесть, а после найди какую-нибудь одежду. Нечего ходить так бесстыдно.

Динья тут же засуетилась, скрылась за дверью, и через минуту вернулась с глиняной миской, от которой поднимался пар. Она поставила её на комод рядом с моим топчаном.

— Вот, похлёбка. Чем богаты. Поешь, найдёшь меня наверху, я подберу тебе одежду.

Бриэль ещё раз окинул меня неодобрительным взглядом, но промолчал.

— Ты можешь остаться здесь на время, — продолжил

Марамал. — У нас есть свободное место в подвале, где ты сейчас лежишь. Кровать, солома. Не дворец, но теплее, чем в канализации. Если тебе совсем некуда податься, можешь остаться и поработать на благо храма, если захочешь. Мара не требует платы за милосердие, но труд во имя любви — это благо.

Бесплатно? Просто так? В Рифтене, где каждую услугу оценивают в септимы или ответную услугу? Впрочем, какая разница. Пока что главное — крыша над головой, сухая одежда и еда. А с остальным разберёмся позже.

— Спасибо, — только и выдавил я.

Жрецы ушли, оставив меня одного. Похлёбка успела остыть, но желудок свело от одного её запаха. Даже этот простой аромат среди окружающей вони казался одуряюще вкусным. Рядом с миской лежал кусочек чёрствого хлеба. Я жадно, давясь и торопясь, съел всё до последней капли.

Глава 4. Город

Трапеза прошла, я почувствовал, что можно жить. Теперь только и подумать, что делать дальше. Хотя какой-то план действий, или направления движения.

Что мне известно?

Да ни хрена мне неизвестно. Я вообще, блин, боюсь, что большую часть флоры игры не знаю. Я же для удовольствия играл, не запоминал, как там, какие вещи. Что можно вспомнить? Если не трогать артефакты — а я, скорее всего, вообще не буду трогать ни один артефакт, это же крючки — что можно? Какие плюсы, какие фиши, какие знания мне помогут?

Помнится, там какой-то свиток был у вампиров. У магов — посох бесконечной маны. Грозовой камень, Атронах — кстати, неплохая вещь, поглощение маны до тридцати процентов от направленных на человека заклинаний. Что я ещё могу вспомнить? Баг или фиша с алхимией и зачарованием, но, скорее всего, всё работает совершенно не так. Кстати, а как вообще работает магия зелий? Что-то не припоминается. Надо будет разобраться.

Кого я обманываю?

Простой человек из будущего. Тут, мне кажется, просто за поворотом можно копыта откинуть. От простой заточки в бок. Тем более в городе Рифтене — городе воров и преступников.

Что же мне делать? Что же мне делать? Что же мне делать?

Судорожно начал я думать про себя.

Ладно. Вздохни. Выдохни. Успокойся, Макс. Всё будет хорошо.

Меня же зовут Максим. Не очень местное имя, конечно. Буду называться Сим. Вроде как ничего. Звучит вполне по-местному. Вот, начало положено. Шаг за шагом, шаг за шагом. Главное — дышать, составлять планы, хотя бы направление. Как там говорил? Дорогу осилит идущий. Земля не может утомить идущего. Или это совсем из другой категории? Знал бы ты, куда я попал, Будулай.

Ладно, хорош абстрагироваться.

Нужно раздобыть денег. Нужно раздобыть эликсиров. С

моими знаниями мне кажется, я тут прокачаюсь хотя бы физически — это очень большой плюс. Соответственно, надо крутиться возле лекарей, зельеваров. Кстати, как вообще работает магия зелий? Что-то не вспоминается. Всячески избегать канона. Пусть всякие драконорожденные выигрывают и побеждают драконов и пируют славные победы, впитывая драконьи души, попадая в бочку с крысами, — что бы что? Стать крысоловом? Мой путь — тихой сапой идти вперёд. Хорошо хоть душа у меня без драконьих вставок. Не хватало мне ещё стать Довакином. Даже продвигаясь в магии, я буду тут для Аэдра гореть яркой звёздочкой, на земле с высоты птичьего полёта.

Есть, конечно, задумки. Много задумок. Хорошо, что когда летел, пытался вспомнить различные плюсы своего положения.

Да, кстати, о магии. Что я могу сказать? Все эти чакры, все эти оболочки — самое интересное, что это всё правда. А магия — это просто отдельная субстанция, она всё пронизывает в этом мире. Кстати, она течёт по нашим всем энергетическим каналам, которые в нашем мире просто задействуют совершенно другие ресурсы. Какую-то более воздушную энергию используют, что там говорилось? О Ци и жизненная энергия. В этом мире эта энергия более плотная, но зато более управляемая. И это очень большой плюс, потому что

я теперь знаю много об этом. Также я знаю о способах прокачки и развития — то есть, прокачивая эти способности, ты можешь управлять этой энергией. Местным, наверное, магам невдомёк, почему они с течением времени используют то или другое заклинания, и оно становится сильнее. Просто способы концентрации у них увеличиваются. Ещё сюда мыслеформы или программы включить, что-то похожее на программирование нашими рунами, только у них что-то другое, но тоже вписанное в информационное поле, и обладает за счёт манны более прямым воздействием на реальность, нежели наши. Какие такие наши? Как будто я каким-то культиватором был в прошлом.

Ладно, к чёрту, к чёрту. Надо думать, как выжить.

Так. Надо, пожалуй, пойти, раздать листовки. Пройтись по городу, вынюхать, что здесь происходит. Зайти надо к стражнику. Помнится, он говорил что-то про конфискат. Мол, есть у них тряпьё всякое, которое никому не пригодилось, и если хочешь — можно глянуть. Надо будет напомнить ему при случае. У этих стражников много изъятогохлама и ненужных шмоток, что они с ними делают? Может, в конце года выкидывают или сжигают. Или передают в детские дома, или дома благотворительности. Короче, не знаю, вряд ли они там им сильно нужны.

Лекарь и лекари. Что нужно для лекаря? Конечно же, сырьё. Где достать сырьё? Конечно же, в лесу. А что в лесу нас ждёт? Конечно же, медведь. И замкнутый круг получается. Пу-пу-пу, что делать?

Первые цели намечены.

Я резко встал с кровати, и меня тут же покачнуло — здоровье-то ещё не очень. Огляделся. Вокруг каменные стены, каменный пол, застеленный прелой соломой. Я нахожусь в подвальном помещении храма. В углу горит масляная лампа, рядом с моим топчаном ещё один — пустой. Надо бы найти Динью, взять одежду. Но сначала еда, а заодно и осмотреться. Этот запах ладана, что ли, попеременно с травами, въедливый до отвращения — как они тут живут в храме с такими ароматами? Не мне привередничать, я вообще в канаве, можно сказать, жил.

Встал, прошёл до комода. Похлёбка холодная, но желудок свело от запаха. Даже такой запах среди других кажется одуряюще вкусным. Рядом — кусочек чёрствого хлеба. Такая простая еда была настолько вкусной, что я проглотил и не заметил.

Выйдя из комнаты, я попал в небольшой коридор. Одна дверь вела в какой-то склад — я увидел бочки и ящики, вто-

рая — в небольшой зал, похожий на морг, с каменными плитами и нишами в стенах, третья, тяжёлая, обитая железом — видимо, в усыпальницу. А вперёд по коридору, в нескольких шагах, лестница наверх, туда, где, судя по доносившимся голосам и аромату ладана, находился главный зал храма со статуей Мары.

Что ж, пора подниматься и узнавать, куда же я всё-таки вляпался.

Я глубоко вздохнул, одёрнул свою набедренную повязку и, стараясь ступать как можно тише, направился к лестнице.

Осторожно, крадучись, я поднялся на несколько ступеней и замер, выглянул из-за угла. Чувствовал я себя максимально нелепо: в одной набедренной повязке, босиком на холодном камне. В главном зале храма царил полумрак, пахло ладаном и пылью. Статуя Мары с распростёртыми объятиями возвышалась в центре. Вокруг — никакого движения.

Я быстро оглядел помещение, пытаюсь понять, где искать эту Динью. Взгляд зацепился за несколько дверей по периметру зала. Видимо, там и обитают все служители. Интересно, сколько у них тут комнат? Я насчитал не так уж много. И почему та, в подвале, оказалась свободна? Для храма, который «принимает всех», это как-то подозрительно. Замка на

моей двери, кстати, я вообще не видел. Прямой выход в суровый скайримский мир — и дверь без запора. Мысль о том, чтобы оставаться здесь на ночь, начала отдавать паранойей. А стоит ли оно того?

Тут из-за угла, со стороны, противоположной главному входу, появилась Динья Балу. Я оглянулся — посетителей вроде не было. Подбежал к ней и затараторил, стараясь говорить как можно тише и просительнее:

— Госпожа Динья! Госпожа Динья! Можно мне какую-нибудь одежду? Чтобы не бегать тут... вот так.

Она странно улыбнулась, словно её забавляла моя суетливость, и кивнула:

— Пойдём.

Мы направились к небольшой двери, которая находилась прямо за статуей Мары. Пришлось даже снова немного спуститься к лестнице и обойти выступ, чтобы попасть в эту подсобку. Оказавшись внутри, я присвистнул про себя: «Да тут целая комната!» Небольшая, но уютная, забитая какими-то тюками и сундуками.

Динья подошла к массивному комоду, выдвинула ящик и

достала оттуда холщовые штаны грубой выделки и длинную чёрную рясу. Я мысленно выдохнул: ладно, хоть не с черепами, как у некромантов. Но когда она встряхнула ткань, я заметил лёгкое, едва уловимое синеватое свечение по краю подола. Магическое.

Я замялся.

— Эм, уважаемая... вы уверены, что это мне? Она какая-то... дорогая на вид.

— Да-да, тебе, не переживай, — отмахнулась она. — Самая обычная.

«Или она не замечает, или я ошибаюсь, — подумал я, забирая одежду. — А, ладно. Дали — надо брать. Как говорится, дарёному коню под хвост не смотрят».

Я развернулся, чтобы бежать обратно в своё логово и наконец прикрыть срам, но вовремя спохватился:

— Спасибо большое! — выпалил я и ретировался.

В подвале я первым делом натянул колючие, но тёплые штаны и накинул рясу. Сразу стало спокойнее. Теперь я не голый бомж, а бомж при параде. Уже прогресс.

Стоило мне сделать несколько шагов, как я замер. Едва я надел эту чёрную рясу, как почувствовал странное, но приятное ощущение. Приток маны. Самый настоящий.

Это было похоже на тёплую волну, которая мягко обволокла мою ауру — ту самую внешнюю оболочку, о существовании которой я раньше только догадывался или ощущал очень смутно. А теперь я её чувствовал. Отчётливо. По энергетическим каналам, которые, оказывается, и раньше были заполнены магией, теперь бежал лёгкий, едва уловимый ток магической силы, подкрашивающий всё. В теле и в чакрах — особенно там, в том самом центре — отозвалось глухим, но уверенным гулом.

И никаких негативных ощущений. Ни боли, ни давления, ни сопротивления. Наоборот — тело словно само тянулось к этому потоку, как иссохшая земля к дождю.

Я подошёл к своей двери и осмотрел её ещё раз. Массивная, из тёмного дерева, с коваными петлями. Ручка — простое железное кольцо. Замка действительно нет. Но с внутренней стороны я заметил пару крепких металлических пазов, прибитых к косяку и самой двери. Видимо, строители всё-таки подумали о безопасности. Если найти прочную палку или засов и вставить в эти пазы, дверь будет не открыть

снаружи. На первое время сгодится.

Я мысленно поставил галочку: «Найти засов».

Я ещё раз осмотрел дверь. С засовом вопрос решаемый, но оставалась другая, не менее важная проблема. Ноги. Ходить босиком по каменному полу храма — то ещё удовольствие. Да и на улице, помнится, было промозгло. Нужна обувь. Хотя бы какие-нибудь тапочки, тряпки намотать, что угодно.

Взгляд упал на мою «келью». Кроме топчана с соломой, магического светильника и комода, здесь ничего не было. Я подошёл к комоду. Старый, рассохшийся, с покосившейся дверцей. «А вдруг?» — мелькнула мысль.

Я приоткрыл дверцу. Внутри валялся какой-то хлам: моток грубых ниток, сломанная деревянная ложка, пара пустых склянок и — о чудо! — стопка старого, но чистого тряпья. Сверху лежали стоптанные матерчатые тапочки. Самые настоящие, хоть и выдавшие виды. Размер, на первый взгляд, подходил.

Я замер. Брать или не брать? С одной стороны, комната вроде как моя, на время. С другой — вещи явно не мои. Может, предыдущий постоялец оставил? Или Динья сюда сло-

жила ненужное. В голове всплыла поговорка про дарёного коня, но тут случай иной. Тут — откровенное мародёрство на грани.

Тяжело вздохнул. Ладно. Спрошу при случае. Если скажут «нет» — верну. А пока... ноги дороже моральных терзаний. Я натянул тапочки. Сидели свободно, но мягко, и это было блаженством. Из тряпья выбрал кусок поплотнее — пригодится, может, портянки сделать или просто пол подмести.

В дверь моей каморки постучали. Я вздрогнул и захлопнул комод. «Кого там ещё принесло?»

Не успел я как следует осмыслить своё мародёрство, как с той стороны раздался звук — только не стук, а скрип. Дверца приоткрылась сама собой, и в щель заглянул Марамал.

Я вздрогнул и машинально прикрыл ногой комод, будто меня застали за кражей священных реликвий. Старый жрец, впрочем, не обратил на это никакого внимания. В руках он держал стоптанные, но вполне крепкие кожаные сапоги.

— О, да ты освоился, — усмехнулся он, окинув взглядом мою рясу и тапочки. — Вот, решил тебе свою старую обувь принести. Негоже всё-таки босиком ходить. Хоть на челове-

ка стал похож.

Я принял сапоги с искренней благодарностью. На размер, кажется, должны подойти. Настоящая кожа, пусть и потёртая — по местным меркам целое состояние.

— Уважаемый Марамал, — решился я, пока старик был в благодушном настроении. — У вас нет случайно какой-нибудь бритвы? Или чего-то вроде, чтобы побриться, подстричься? И место, где можно умыться?

— Хм, умыться говоришь... — он задумчиво пожевал губу. — С бритвенными принадлежностями, боюсь, помочь не смогу. Да и на цирюльника у тебя, подозреваю, денег пока нет.

Он сделал паузу, и я приготовился к худшему.

— Но с водой вопрос решить можно, — продолжил он. — Придётся, правда, самому потрудиться. Тут недалеко, на торговой площади, колодец есть. Выйдешь из храма, перейдёшь мост — и сразу на площадь попадёшь. А впрочем...

Он махнул рукой, приглашая меня следовать за ним.

— Пошли, покажу. У нас тут за храмом бочка для воды

стоит. Натаскаешь пока в неё. И мыться там приспособлено — тазик есть, стул. Мы в этом месте по утрам моцион принимаем.

Я поспешил за Марамалом. Мы вышли из моей каморки, поднялись по лестнице и через боковую дверь попали во внутренний дворик храма. Небольшой, мощёный камнем, с чахлым деревом в углу. У стены действительно стояла массивная деревянная бочка, рядом — грубо сколоченный табурет и медный таз.

— Вот здесь, — Марамал указал на бочку, затем кивнул на два пустых ведра, прислонённых к стене. — Вёдра вон. Как натаскаешь — можешь умываться.

Он развернулся, собираясь уходить, но на мгновение задержался.

— А насчёт бритвы... Ну, подумаем. Пока так походи. Не ты первый, не ты последний с бородой в Рифтене.

Я кивнул, глядя на вёдра. Что ж, уже что-то. Хотя бы не в грязной канавной воде мыться, а по-человечески.

«Как оно, Сим, — сказал я себе. — Осваивайся. Вода, бритва, цирюльник... И где-то между этим всем — выжива-

ние в мире, который тебя пережует и выплюнет».

Я взял вёдра и направился к выходу во двор. Пора знакомиться с Рифтеном.

С вёдрами, я в раздумьях брёл к выходу из храма.

А задумался я вот над чем. А можно ли принудительно закачать в себя больше манны, чем тело способно принять естественным путём? В моём прошлом опыте, ещё там, на Земле, с энергией Цы всё работало иначе. Там перегрузка грозила блокировкой каналов, болью, а то и внутренними повреждениями. Здесь же... Здесь, кажется, правила игры другие. Магия более плотная, более управляемая. Может, и «передозировка» здесь не смертельна, а лишь открывает новые возможности?

Надо будет обдумать это на досуге. Всё-таки мир Скай-рима — не тренировочный полигон. Тут за такие эксперименты можно и душу загубить. Или, чего доброго, привлечь внимание тех самых «высших», о которых я с ужасом думал у дверей храма.

Я тряхнул головой, отгоняя навязчивые мысли. Сначала — вода. Потом — выживание. А магия подождёт.

С этими мыслями я толкнул тяжёлую дверь храма и вышел наружу. Холодный, сырой воздух Рифтена ударил в лицо. Я поёжился, но мантия — спасибо Динье — неплохо грела. Да и сапоги Марамала оказались впору.

Я пересёк небольшой мостик, ведущий от храма к торговой площади. Город встретил меня грязью, криками торговцев и косыми взглядами прохожих. Впрочем, на нищего в старой рясе особо не глазели — таких тут, видимо, хватало.

Колодец я нашёл быстро — он стоял в центре площади, окружённый деревянным навесом. Несколько горожан набирали воду, ворча что-то себе под нос. Я пристроился в очередь, стараясь не привлекать внимания, и принялся разглядывать окрестности.

Рифтен. Город-клоака. Город-тюрьма. И теперь — мой новый дом.

«Ну что ж, Сим, — подумал я, набирая первое ведро ледяной воды. — Добро пожаловать в новую жизнь. Шаг за шагом. Ведро за ведром».

Возвращаясь назад через мостик, я предвкушал, как наполню бочку, умоюсь и, может быть, даже немного посплю. Но Рифтен, как выяснилось, планов не одобряет.

Удар пришёлся неожиданно. Жёстко, наотмашь, прямо в лицо. Вёдра разлетелись в разные стороны, ледяная вода окатила мостовую, а я рухнул на камни, даже не успев сообразить, что произошло.

«Зря расслабился», — мелькнула запоздалая мысль.

Меня начали пинать. Тяжёлые но мягкие сапоги врезались в бока, в спину, что даже хуже, как будто прям по внутренним органам бьют. Я инстинктивно свернулся в позу эмбриона, прикрывая почки и голову руками. Удары сыпались методично, без злобы, словно мусор утрамбовывали. Я даже не видел, кто это делает, только слышал собственное сбившееся дыхание и глухие звуки ударов.

«Какого хрена? Что за говно?»

В какой-то момент я перестал сопротивляться. Просто обмяк, притворяясь тряпкой. Избиение тут же прекратилось. Меня грубо обыскали — проверили карманы, которых у рясы отродясь не было, пошарили за пазухой. Ничего не найдя, нападавший разочарованно пнул меня напоследок и исчез так же быстро, как появился.

Хорошо хоть по голове не приложили. И на том спасибо.

Я с кряхтением начал подниматься, опираясь на локоть. Вот он, Рифтен. Город возможностей. Я даже не успел разглядеть этого «товарища». Только смутный силуэт, и, кажется, повязка на лице. Местные бандиты, чтоб их.

И тут я обратил внимание, что вокруг собралась небольшая толпа. Кто-то кричал: «Драка! Драка!», кто-то: «Держи вора!». Народ в Рифтене, видимо, падок на бесплатные зрелища.

Не успел я толком выпрямиться, как сзади на меня налетел стражник. Мощным толчком он сбил меня обратно на землю и принялся заламывать руки.

— А ну, лежать! — рявкнул он.

— Да я жертва! — прохрипел я в каменную кладку. — Меня ограбили!

Из толпы раздались неуверенные голоса:

— Это правда, он воду нёс...

— Его какой-то тип в маске ударил...

— Вон, вёдра валяются...

Стражник на мгновение замер, оценивая обстановку, затем ослабил хватку и, ворча что-то себе под нос, отпустил меня. Я с трудом сел, потирая запястья.

— Мда, — только и выдохнул я.

Похоже, в Рифтене нельзя расслабляться ни на секунду. Опасность грозит со всех сторон. Передвигаться по городу, видимо, придётся перебежками, прижимаясь к стенам и оглядываясь через плечо.

«Девять богов, добро пожаловать домой, Сим», — мрачно подумал я, теперь буду хромать обратно к храму.

Нет, не обратно в храм. Сначала — вода. Не для того я вёдра тащил, чтобы вернуться с пустыми руками.

Я поднялся, морщась от боли в боку, и начал собирать разлетевшиеся вёдра. Одно треснуло, но пока держалось. Стражник стоял рядом и рассматривал меня, будто ожидал, что я сейчас рвану убежать. Убедившись, что я не дёргаюсь, он почесал затылок и буркнул:

— А чего ж ты сразу-то не сказал, что тебя ограбили?

Я только махнул рукой.

— Эх, ладно, парень... Извини.

Развернувшись с вёдрами, я снова направился к колодезю. Теперь совсем по-другому. Голова крутилась на триста шестьдесят градусов, взгляд метался по сторонам, выискивая подозрительные тени. Набирал воду, то и дело оглядываясь через плечо. Каждое движение прохожих, каждый шорох заставляли напрягаться.

Наполнив вёдра, я прижал их к бокам и быстрым, хромящим шагом двинулся к храму. Ускориться насколько возможно, но не бежать — не хватало ещё привлечь внимание своим паническим видом. Хотя какой уж тут панический — лицо, наверное, разбито, ряса в грязи, вёдра треснутые.

«Рифтен, — мрачно усмехнулся я про себя. — Город, где даже за водой сходить — приключение».

У самых дверей храма я позволил себе выдохнуть. Здесь, под защитой каменных стен и, надеюсь, авторитета Мары, можно было немного расслабиться. Совсем чуть-чуть. Но урок я усвоил: в этом городе расслабляться нельзя вообще. Ни на секунду.

Вылив первое ведро в бочку, я на мгновение замер. Из второго зачерпнул ладонью и сделал несколько глотков. Вода ледяная, до ломоты в зубах, но жажду утолила моментально. Я присел на стул, перевёл дух и осмотрел ведро. Треснутое, если не стучать им о камни, текло не сильно. Трещину почти не видно, на функционал вроде не влияет. Ладно, сойдёт.

Оглядевшись по сторонам — привычка, которую я начал вырабатывать прямо сейчас, — я более уверенным, хоть и быстрым шагом направился обратно к колодцу. В итоге, чтобы наполнить эту чёртову бочку, мне пришлось сбегать пять раз. Ведро, навскидку, литров на пятнадцать. Ноги гудели, бок ныл после недавнего «знакомства» с рифтенским гостеприимством, но дело было сделано.

На последнем подходе, увидев, что бочка полна, я вылил половину второго ведра в медный таз и принялся умываться. Ледяная вода обожгла лицо, затекла в царапины, но это было даже приятно. Жаль, зубной щётки нет. Почистив зубы пальцем, насколько это вообще возможно, я нащупал языком — вроде все на месте. Даже странно. Попытался разглядеть себя в мутном отражении воды: зубы без намёка на кариес. Хотя какой тут кариес? Судя по состоянию тела, оно раньше чаще недоедало, чем ело. Тут о другом думать надо.

При мысли о еде желудок предательски сжался. Похлёбка, что дала Динья, провалилась куда-то в бездонную бочку моего голода, будто её и не было.

Умывшись и кое-как отряхнув рясу от налипшей грязи, я направился в свою подвальную каморку. Надо просушить одежду — солнца тут нет, но, может, у светильников или факелов получится. Заодно осмотрую комнату досконально. Раз уж тапочки оставили мне, значит, сильно возражать против моих находок не будут. Без наглости в Рифтене не проживёшь.

Вернувшись в свою каморку, я первым делом запер дверь, подперев её найденным в углу обломком доски, который вполне сгодился за импровизированный засов. Теперь, чувствуя себя в относительной безопасности, я решил провести полноценный обыск. Ну, или ревизию. Звучит благороднее.

Комод я уже частично исследовал. Тапочки, тряпьё. Я вытащил всю стопку на свет. Ткань была грубая, но чистая. Часть я решил пустить на портянки — всё лучше, чем голой ногой в сапоги. Хорошо, что не разорвал их сразу на ленты, пригодятся. Перебрав содержимое дальше, я наткнулся на приятный сюрприз: простой столовый нож. Не оружие, конечно, но в хозяйстве вещь незаменимая. Лезвие туповатое, но целое, без зазубрин.

А рядом с ножом, в углу ящика, лежал небольшой серый камушек. Я взял его в руки, покрутил. Точильный камень. Точнее, просто плоский камень, одна сторона которого была заметно сточена — видно, что им пользовались. Никакого тебе современного абразива, просто шершавая порода. Но выбирать не приходилось.

Идея пришла сразу: наточить нож и попытаться привести лицо в порядок. Хватит уже ходить с этой дикой бородой и спутанными волосами. Я снова вышел во внутренний дворик к бочке. Здесь, за высокой каменной оградой, было относительно тихо и безлюдно. Маловероятно, что кто-то заглянет — храмовые служители, похоже, предпочитают парадный вход.

Следующие полтора часа я провёл, согнувшись над камнем. Методично, смачивая поверхность водой из бочки, я водил лезвием по шершавой плоскости. Руки затекли, спина ныла, но результат того стоил. Нож стал пусть не бритвенной остроты, но вполне сносным. Я осторожно, морщась от неприятных ощущений, принялся скоблить лицо. Гладко выбрить не получилось — всё-таки не станок, — но дикую растительность я убрал. Лицо сразу стало выглядеть моложе и... человечнее, что ли.

На этом я не остановился. Волосы на голове висели грязными сосульками и жутко мешали. Я решился на радикальный шаг: обрил виски, оставив длинные пряди на затылке, которые стянул в подобие косы. Во-первых, так грязь и пот не будут лезть в глаза. Во-вторых, в таком виде я хотя бы не похож на бомжа из канавы. Получившаяся причёска — бритые виски, длинный хвост сзади — невольно напомнила мне современную моду из моего прошлого мира. «Как по последней моде перед смертью», — хмыкнул я про себя, рассматривая своё мутное отражение в воде.

Эх, ладно. Главное — практично.

Закончив экзекуцию, я собрал свои нехитрые пожитки, сполоснул лицо и, чувствуя себя почти новым человеком, направился обратно в свою келью. Пора было решать, что делать дальше. Вода есть, еды пока нет, но это поправимо. А ещё нужно понять, как заработать первые деньги и не умереть в этом городе раньше времени.

И что, что губа опухшая, локти и руки в синяках? Зато я почти человек. Вернувшись в каморку, я обнаружил, что ряса, разложенная у светильника, почти высохла. Чуть-чуть влажноватая, но уже вполне пригодная для носки. Я натянул её, одёрнул, привыкая к ощущению ткани на теле, и отправился на поиски Диньи.

Искать долго не пришлось. Поднявшись по лестнице в главный зал, я увидел её у алтаря. Она поправляла какие-то подношения — цветы, маленькие амулеты — и что-то тихо напевала себе под нос. Я остановился поодаль, не решаясь прерывать, и дождался, пока она закончит.

Когда Динья обернулась, я шагнул вперёд и, стараясь говорить как можно более уважительно, обратился к ней:

— Уважаемая Динья, вы говорили, что вам не помешала бы помощь с раздачей листовок. Я, собственно, по этому поводу.

Она кивнула, внимательно меня разглядывая, но, к счастью, воздержалась от комментариев по поводу моего памятного вида.

— У меня только один вопрос, — продолжил я. — При раздаче нужно что-то говорить? Зазывать, может? Ну, что-то вроде: «Уважаемая публика, в нашем храме Мара — единственная из Аэдра богиня, которой не всё равно, которая помогает людям!» Или достаточно просто молитву из листовки прочитать?

Я замолчал, чувствуя, что, возможно, перегнул с пафосом.

Но Динья лишь мягко улыбнулась.

— Неплохое начало, — сказала она. — Только не «уважаемая публика», а просто «люди добрые». И не «единственная из Аэдра», а «Мара милосердная». А в остальном... Да, можешь зачитать молитву из листовки. Или просто вручить тому, кто заинтересуется. Главное — без навязчивости. Люди в Рифтене этого не любят.

Она протянула мне стопку пергаментных листовок, испианных аккуратным почерком.

— Попробуй начать с площади. Там всегда много народу. И будь осторожен. Я слышала, сегодня уже были... неприятности.

Я кивнул, принимая листовки. «Неприятности» — это мягко сказано. Но отступать некуда. Пора выходить в город и учиться выживать. На этот раз — с молитвой Мары в руках.

Вернувшись в каморку с листовками, я первым делом решил заучить текст. Как ни странно, много времени это не заняло. Строчки сами врезались в память, будто я всю жизнь только и делал, что заучивал молитвы. Даже показалось, что здесь, в этом теле, запоминание даётся проще, чем в прошлой жизни. Может, магия фоном так влияет? Или просто

мозг, не забитый соцсетями и новостями, работает чище.

Ладно. С листовками разобрался. Теперь — главное. Я же всё-таки маг. Ну, или, по крайней мере, у меня есть мана, каналы и ядро. Нужно попробовать использовать свои таланты с пользой. Что можно сделать прямо сейчас?

Самое очевидное — попытаться подлечиться. Повреждённые участки тела омыwać манной, концентрировать её в синяках и ушибах. И, самое важное, — задать правильный посыл. Манна сама по себе нейтральна. Чтобы она приобрела свойства жизненной энергии, нужно сформулировать намерение. По сути, то же самое информационное программирование, о котором я читал ещё на Земле. Местные плетения я не знаю — те самые отпечатки в инфосфере, которыми пользуются обученные маги. Но, может, можно обойтись без них?

Я задумался о природе Ту'ума. Магия Слова? Или всё-таки магия через оболочки? Похоже, что Крики — это способ отправлять информационный сгусток всей аурой разом, без тонкой настройки. Грубый, «деревянный» способ. Древние норды, говорят, годами медитировали у Стен Слов, впитывая информацию, отпечатанную в древних иероглифах, а потом выплёскивали её вместе с потоком маны. Похоже на рабочую теорию. Но мне пока рано о таком думать. Мне бы

с синяками разобраться.

Я уселся на топчан в позу для медитации — скрестив ноги, выпрямив спину, положив руки на колени. Закрыв глаза и сосредоточился на дыхании. Через некоторое время я начал ощущать те самые потоки маны, которые почувствовал, надев рясу. Тёплые, едва уловимые ручейки, бегущие по каналам. Я попытался направить их к повреждённым местам — к ноющему боку, к разбитой губе, к ссадинам на локтях. Мысленно проговаривал: «Восстановление. Жизнь. Исцеление». Представлял, как манна напитывается золотистым светом и впитывается в ткани, заставляя их обновляться.

Полчаса я просидел так, гоня энергию по телу. Честно говоря, получалось пока с трудом. Потоки слушались неохотно, а удержать в голове чёткий образ исцеления было сложно. Тогда я решил попробовать другой подход: пропустить манну через мозг. Если правильно задать программу, может, получится улучшить когнитивные способности? Запоминание того же текста пошло бы легче. Я осторожно сместил фокус, направляя тонкую струйку энергии к голове. Ощущения были странные — лёгкое покалывание, тепло в висках. Но без фанатизма. С мозгом шутки плохи.

Просидев так ещё полчаса, в общей сложности около часа, я открыл глаза и осмотрел себя. Синяки, увы, никуда не

делись. Губа всё ещё опухшая, локоть болит. Чудес не случилось. Но! Боль стала чуть-чуть меньше. Скорее, даже не меньше, а приглушённое. Словно я выпил слабое обезболивающее. И это уже результат.

Всё-таки это фантастический мир. Здесь есть реальная магия. Ради одного этого можно многое вытерпеть. Теперь надо подумать, как они творят телекинез. Может, получится без дорогого обучения овладеть какими-нибудь простыми чарами? В игровом Скайриме книги заклинаний стоили прилично. А в реальном, боюсь, цены могут быть совсем другими. Но это вопрос будущего. Пока — листовки, вода и попытки не сдохнуть.

Я поднялся с топчана, взял стопку пергаментов и направился к выходу. Пора отрабатывать кров.

Я глубоко вздохнул, поправил стопку листовок в руке и решительно толкнул дверь храма. Дневной Рифтен встретил меня всё той же сыростью и запахом рыбы, но теперь к этому прибавился шум торговой площади. Люди сновали туда-сюда, торговцы зазывали покупателей, где-то звенела кузня.

Я огляделся, привыкая к роли городского сумасшедшего с молитвами, и направился к площади. Перейдя мостик, я оказался в самой гуще. На меня косились, но без особого ин-

тереса — видимо, ряса жреца Мары давала какую-то защиту, или просто местные привыкли к попрошайкам всех мастей.

Я выбрал место пооживлённое, встал у колодца и, набрав в грудь воздуха, начал негромко, но внятно:

— Люди добрые! Мара милосердная призывает нас помнить о любви и сострадании...

Пара прохожих обернулась, кто-то хмыкнул, кто-то ускорил шаг. Я продолжал, чувствуя себя неловко, но упрямо. Минут через десять ко мне подошёл молодой парень в потрёпанной куртке и, усмехнувшись, взял листовку.

— Удачи тебе, святой отец, — бросил он и тут же скомкал пергамент, выкинув в канаву.

Я сжал зубы и продолжил.

Я быстро пересёк площадь, стараясь не бежать, но и не плестись. Взгляд метался по сторонам, выискивая подозрительные тени. «Надеюсь, я достаточно помоячил перед здешними, чтобы они приняли меня за городского блаженного, — думал я, прижимая к груди оставшиеся листовки. — Хотя какой блаженный будет раздавать листовки с таким содержанием?»

Ворота Рифтена выглядели внушительно: массивные створки, обитые железом, и пара стражников, лениво опирающихся на алебарды. Один из них, тот самый, что дежурил ночью, сменился. Теперь на посту стоял другой — рыжебородый детина с помятым лицом и безразличным взглядом.

Я подошёл, стараясь выглядеть максимально безобидно, и растянул губы в подобии улыбки.

— Привет, уважаемый! Хороший сегодня денёк, не правда ли? — начал я, чувствуя себя продавцом пылесосов. — Знаете ли вы что-нибудь о Маре милосердной?

Стражник удивлённо приподнял бровь и оглядел меня с ног до головы.

— Чего? — прогудел он. — Ты кто такой, попрошайка в рясе?

— Я помощник жрецов из храма Мары, — пояснил я, протягивая ему листовку. — Мы несём слово любви и сострадания в этот суровый город. Вот, возьмите, почитайте на досуге.

Стражник взял пергамент, повертел в руках и хмыкнул.

— Любви и сострадания? В Рифтене? — он хохотнул. — Парень, ты хочешь знать, куда попал? Тут за медяк глотку перережут.

— Знаю, — вздохнул я. — Но, может, именно поэтому слово Мары здесь так нужно?

Он задумчиво почесал бороду и вдруг прищурился.

— Слушай, а ты не тот ли бродяга, которого вчера огрели у моста? — он пригляделся. — Ну да, ряса та же, и синяки на лице.

Я невольно потрогал опухшую губу.

— Было дело, — признался я. — Познакомился с местным гостеприимством.

— И после этого ты всё ещё раздаёшь листовки про любовь? — он усмехнулся. — Ладно, уважаю упорство. Но если хочешь выжить, блаженный, советую не шастать по городу с пустыми карманами и без оружия.

Я кивнул, принимая совет. Пора было переходить к делу.

— Уважаемый, — начал я, понизив голос, — ваш сменщик говорил что-то про конфискат. Мол, есть вещи, которые никому не нужны, а мне быгодились. Не знаете, можно ли на это взглянуть?

Стражник снова хмыкнул, но на этот раз в его глазах мелькнуло что-то вроде понимания.

— А, вон ты куда клонишь, — стражник почесал рыжую бороду и огляделся по сторонам. — Ладно, слушай сюда. Звать меня Хротар. А тот, что ночью стоял, это Питер. Он сегодня во второй вахте, в тюремной сторожке. Это вон там, за казармами, ближе к каналу.

Он махнул рукой куда-то в сторону мрачного приземистого здания.

— Найдёшь него — спроси про конфискат. Если он действительно говорил, что есть что-то из тряпья, что никому не нужно. Только сам туда иди, я с тобой не пойду. А то старший увидит — решит, что я с бродягами якшаюсь. Да и лишние глаза нам ни к чему.

Я кивнул, поправил стопку пергаментов.

— Спасибо, Хротар. Зайду.

Я уже сделал шаг, чтобы уйти, но любопытство пересилило. Да и, чего греха таить, хотелось понять, с кем имею дело, прежде чем соваться в тюремную сторожку.

— Уважаемый Хротар, — я понизил голос, — а что за человек этот Питер? Просто... он вчера ночью мне помог, но вид у него был... невесёлый. Я бы даже сказал — тоскливый. Он всегда такой? Или что-то случилось?

Хротар вздохнул, поправил перевязь и посмотрел куда-то в сторону канала. Было видно, что тема ему не чужая, но и откровенничать с первым встречным бродягой он не привык.

— Питер? Да он мужик неплохой. Служит давно, дело знает. А тоскливый... — он хмыкнул. — Ты бы тоже тосковал, если бы всю жизнь мечтал о чём-то другом, а сидел в этой дыре, разнимая пьяных нордов и гоняя вороватых аргониан.

Он замолчал, словно решая, стоит ли продолжать. Я ждал.

— В детстве, говорят, хотел в Вайтране осесть, в Йоррваскре воином стать. Ну, знаешь, легенды, слава, братство. А жизнь распорядилась иначе. Семья, долги, потом эта служба.

Вот и топит тоску в эле. Не буйный, нет. Просто... погасший.

Хротар махнул рукой, давая понять, что разговор окончен.

— Ладно, иди уже. И не говори ему, что я тебе рассказал. Он не любит, когда его жалеют.

Кивнул и двинулся в сторону тюремной сторожки, прокручивая в голове услышанное, сам почему-то сконцентрировался на ощущениях в ногах, смена поверхности с камня на деревянный пол. «Погасший». Знакомое слово. Видел таких, не очень понимаю, был у меня такой период в жизни, но очень недолго.

— Давай, блаженный, — он усмехнулся. — И листовки свои не забудь. Мара милосердная, говоришь... Может, и загляну как-нибудь в храм. Когда прижмёт.

Глава 5. Магия

Я развернулся и быстрым шагом направился в сторону тюремной сторожки. «Вторая вахта, значит. Надеюсь, Питер не будет против незваного гостя. И, главное, чтобы по дороге меня снова не огрели по голове».

Я быстрым шагом направился прочь от ворот. Тюремная сторожка — это вам не кабак у канала, туда просто так не заходят. Но другого выхода не было. Мне нужна была одежда, снаряжение, хоть что-то, что поможет не сдохнуть в этом городе в ближайшие пару дней. А Питер — моя единственная зацепка.

Рифтен снова сомкнулся вокруг меня. Я пересёк мост и вышел на рыночную площадь, где уже успел «прославиться» раздачей листовок. Торговцы, завидев мою чёрную рясу, провожали меня настороженными взглядами. Я уже потянулся к капюшону, чтобы надвинуть его поглубже — старая привычка из прошлой жизни, когда хотелось просто спрятаться от чужих взглядов. Но тут же одёрнул себя. Какого хрена? Ограничить обзор сейчас, когда каждая тень может оказаться ударом в спину? Вот уж глупость. Я оставил капюшон в покое и просто ускорил шаг, продолжая вертеть голо-

вой.

Крепость Миствейл — резиденция местного ярла — возвышалась в южной части города, подавляя своими каменными стенами окружающие деревянные лачуги. Чем ближе я подходил, тем меньше становилось случайных прохожих и тем громче звучал стук моего сердца. У главных ворот, обитых железом, стояли двое стражников в полном облачении. Я не стал испытывать судьбу и свернул направо, как и говорил Хротар.

Вход в тюрьму нашёлся там, где и должен был — справа от главного входа в крепость, почти у самой земли, у основания массивной каменной башни. Низкая, обитая ржавым железом дверь, к которой вели стёртые каменные ступени. Ни вывески, ни охраны снаружи. Просто чёрный провал в стене. Я потянул за холодное кольцо. Дверь со скрипом поддалась.

Изнутри пахло сырым камнем, плесенью и чем-то кислым — то ли старым вином, то ли застарелым потом. Узкий коридор освещался единственным чадящим факелом. За грубо сколоченным столом, заваленным пергаментами и огрызками, сидел угрюмый стражник. Он поднял на меня тяжёлый взгляд и лениво положил ладонь на рукоять меча.

— Чего надо? — прогудел он.

— Я к Питеру, — стараясь, чтобы голос звучал уверенно, ответил я. — Он говорил, что я могу зайти.

Стражник молча смерил меня взглядом, от моих стоптаных сапог до капюшона, и, видимо, решив, что угрозы я не представляю, мотнул головой куда-то вглубь коридора.

— Дальше по коридору. Караулка у входа в тюремный блок. Только без глупостей, блаженный.

Я кивнул и шагнул в полумрак. Где-то там, в конце этого коридора, за запахом плесени и кислого пота, меня ждал Питер. И, надеюсь, что-то более ценное, чем пара медяков.

Я шагнул в караулку. Это была крохотная комнатка с голыми каменными стенами, деревянным столом и парой табуретов. В углу чадил факел. На столе — глиняная кружка с чем-то, отдалённо напоминающим эль, и надкушенная краюха хлеба.

Но мой взгляд зацепился за другое. На стене, над столом, висел старый, выцветший гобелен. Не казённый, а явно личный. На нём был грубо выткан волк — символ Йоррваскра, обители воинов в Вайтране. Гобелен был запалённый, с об-

трёпанными краями, словно его повесили давно и больше не трогали. Рядом, на вбитом в стену гвозде, висел обломок железного меча — не оружие, а память.

Питер, сидевший за столом, заметил мой взгляд. Он ничего не сказал, только чуть помрачнел и отвёл глаза.

— А, это ты, блаженный. Живой, значит. А я уж думал, тебя в канаве доби́ли.

Голос его был ровным, без злобы, но и без тепла. Так говорит человек, который давно перестал ждать от жизни хорошего.

— Почти, — я усмехнулся, потирая всё ещё ноющий бок, и перевёл взгляд с гобелена на Питера. — Но Мара милосердная хранит своих... раздатчиков листовок.

Он хмыкнул и сделал глоток из кружки.

— Ну, заходи, раз пришёл. Чего хотел-то?

Я присел на свободный табурет, стараясь не скрипеть. В караулке было тихо, только факел потрескивал да какой-то из заключенных стонал.

— Ты вчера говорил про конфискат, — начал я без долгих предисловий. — Что есть тряпье, которое никому не нужно. А мне бы пригодилось. Сам видишь, — я развёл руками, показывая рясу, — не в чем выходить. А в Рифтене, как я понял, лучше иметь что-то про запас. А лучше всего хоть какое-то оружие, кинжал или меч. Но на это я конечно вряд ли надеюсь.

Питер отставил кружку и смерил меня взглядом, задержавшись на сапогах Марамала.

— Сапоги-то хорошие. Уже разжился, гляжу.

— Добрый жрец поделился, — я не стал врать. — Но под рясой у меня ничего. Даже карманов нет. А в вашем городе, сам знаешь, без карманов — как без рук.

Он хмыкнул, но на этот раз в его глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение. Не ко мне — к моей наглости.

— Ладно, блаженный. Есть тут кое-что. С прошлого обхода валяется. Тряпье так себе, но штаны целые, и куртка кожаная, хоть и драная. Сгодится?

Я кивнул, стараясь не выдать радости.

— Сгодится. Спасибо.

— Просто так не дам, — он поднял палец. — Ты мне вот что скажи. Ты по городу шастаешь, народ видишь. Не слышал, кто вчера у моста людей грабил? А то старший наседает, а у меня ни одной зацепки. Может, ты того урода разглядел?

Я задумался. Тот тип с повязкой на лице... Я действительно почти ничего не запомнил. Но кое-что всё же...

— Высокий, — сказал я. — В тёмном. Повязка на лице. И сапоги у него... мягкие. Когда пинал меня, хорошо почувствовал: мягкие такие. Таким преступникам нужен тихий шаг. На рядового вора не похож, вообще не пойму, почему на меня позарился.

Питер оживился. Впервые за весь разговор его взгляд стал цепким, заинтересованным.

— Мягкие, говоришь? Это уже что-то. Тут в городе каждый второй с такими.

— Да, но не у каждого они чёрные и прошиты таким интересным образом, — я провёл пальцем по столешнице, изображая зигзагообразный узор.

Он встал, подошёл к сундуку в углу и, порывшись, выудил оттуда свёрток. Протянул мне.

— Держи. Куртка и портки. И вот, — он сверху положил орочий кинжал. — Нож чистый, был тут один орк. И это... если ещё что услышишь или увидишь — заходи. Может, и ещё чем помогу.

Я взял свёрток, чувствуя, как в груди теплеет. Неплохой человек, со своими тараканами. Никогда бы не подумал, что стражники ещё и расследования какие-то проводят.

— Зайду, — пообещал я. — Спасибо, Питер.

Я уже взялся за ручку двери, но обернулся.

— Ещё увидимся. Город маленький, земля круглая.

Он ничего не ответил, только странно посмотрел на меня — то ли с благодарностью, то ли с болью. Я вышел, не дожидаясь ответа.

— Земля круглая, ха! Что за ересь? Земля сотворена богами-предками, да и если бы она была круглой, мы бы с неё точно упали.

В коридоре снова пахло плесенью и кислым потом. Угрюмый стражник за столом проводил меня равнодушным взглядом и уткнулся обратно в свои пергаменты. Я толкнул тяжёлую дверь и вышел наружу, в промозглый рифтенский вечер. Да, интересное всё-таки место: два этажа тюрьмы, скудное, конечно, место, одни голые стены. Для вора и стырить-то нечего. В игре вроде есть какой-то ящик с конфискованным. Да и камни душ на каждом углу валялись, а здесь такое редкость, ещё ни одного не видел.

В руках — свёрток с одеждой. И нож, как по мне, тяжёлый кинжал, кривоватое лезвие весит прилично, придаёт уверенности, а самое главное — зачарован. Вот уже вторая дорогая вещь в моём арсенале. Но думаю, здесь это не такая уж и большая редкость. В голове — мысль, что у меня появился первый, пусть и шаткий, союзник в этом проклятом городе.

«Шаг за шагом, Сим, — сказал я себе, вдыхая сырой воздух. — Шаг за шагом».

В голову закралась неприятная мысль: как бы с частым посещением тюрьмы меня доносчиком не посчитали. Надо пореже заходить сюда. Будет совсем невесело, если местные решат, что я стучу страже. В Рифтене за такое и в канаве не проснёшься.

Я опустил на топчан, положил свёрток перед собой и развязал узел. Грубая мешковина расползлась, обнажая содержимое.

Сверху лежала куртка. Кожаная, но старая, потёртая, с парой зашитых прорезей на рукаве. На плече — тёмное пятно, то ли кровь, то ли вино. Я понюхал. Вроде не воняет. Натянул — в плечах жмёт, но дышать можно. Сразу стало теплее.

Потом — портки. Серые, холщовые, с завязками вместо пуговиц. Примерял: длинноваты, но на поясе удержатся. Ладно, не на бал иду.

Но самое драгоценное в моём положении, завёрнутое в тряпицу, лежало там. Нож. Или кинжал? Я вытащил его, повертел в руках. Лезвие кривоватое, скорее всего орочья работа. Весит прилично, граммов четыреста, а то и все пятьсот. Рукоять грубая, обмотанная потрёпанной кожей, без гарды. Для ближнего боя — самое то. Для защиты от местных головорезов — лучше, чем пустые руки. И самое главное: оно покрыто тонкой, как будто оболочкой, голубоватым слоем. По нему пробегают мелкие разряды. По аналогии и законам логики, если люди при зачаровании вкладывают мыслеформу, которая и проявляется визуально: если отблеск зелёного — вероятно, отравление; если отблески красного — что-то вроде поглощения жизни, или соответствующие школы ма-

гии. Поэтому есть вероятность, что оно зачаровано на удар молнией.

Я закрыл глаза, сосредоточился, попытался «пощупать» своей маной этот предмет.

И почувствовал.

Внутри клинка пульсировал слабый, но чёткий информационный блок, как будто он сам мне говорит образами. Что-то вроде... грозовой треск? Парализации для врага? Я не знал местных заклинаний, но моя аура отозвалась — лёгким, почти безболезненным покалыванием. Не могу сосредоточиться на нём, потому что мантия тоже со мной «общается» — накопление, восстановление манны.

«Вот это подарок, — подумал я. — Питер не соврал. Не просто нож, а магический нож. Орочий кинжал с чарами. Для местных, может, и мелочь, а для меня — целое состояние».

Я снова сжал рукоять, пытаюсь понять, как именно действует зачарование. Мысленно потянулся к информационному блоку, как учился на медитации с синяками. Сначала ничего. Потом — слабый, едва уловимый образ и окрас. Аура кинжала работает с моей аурой в унисон, куда направ-

лю намерения — туда и пойдёт урон. Силу удара можно регулировать, зависит от концентрации. Получается, бой — это не только концентрация на таймингах, дистанции, приёмах, это ещё и работа с артефактами: здесь сильно ударить, здесь сэкономить. Или не работать — удар по умолчанию. Это открывает некоторые перспективы и новые вопросы: что, если метнуть кинжал — как сработает зачарование? Или метательные ножи вообще по-другому чаруют? В Морровинде, помнится, убийцы с зачарованными метательными ножами ходили... Или это опять потеря знаний?

Я заметил, что не дышу, разглядывая сей инструмент. Да, это очень нужный инструмент. Но как же его носить? Ещё здесь не видел бездонных сумок, но думаю, во вселенной, где всё время борются за карманные мирки, создание чего-то подобного — не такая большая проблема.

Я ещё раз осмотрел кинжал. Кривое лезвие, потемневшее от времени, но без зазубрин. Обоюдоострое? Нет, одна сторона тупая, как у тесака. Для реза, а не для колки.

«Орочий кинжал зачарован. По местным меркам — дешёвка. По моим — спасательный круг».

Я убрал его в свёрток, перемотал и сунул под топчан. Пока не наловчусь обращаться — нечего светить дорогим по-

дарком.

А в голове уже крутились мысли. Питер — не просто стражник. Он дал мне не «тряпьё из конфиската», а то, что могло стоить нескольких сотен септимов. Или не могло? Чёрт его знает, какие тут цены.

«Либо он очень добрый, — усмехнулся я про себя, — либо очень должный. Или просто проверяет меня. Выдам — молчи, не выдам — полезен». А вообще сомнительно, что он обычный стражник. Больше похож на какого-то оперативника под прикрытием. В этом направлении вообще уж соваться не стоит. Осведомителей чаще всего кончают первыми. А что я, собственно, знаю, что могло бы быть ему интересно? Расположение Буйной фляги? Секретный ход где-то в склепе за храмом Мары? А если Питер играет совсем за другую команду?

Ладно. Не время гадать.

Я встал, одёрнул новую куртку — теперь похож на чувака в куртке и в юбке, — надо узнать, как часто тут кормят. И вышел из комнаты.

В коридоре снова пахло плесенью и старым камнем. Масляная лампа у стены мерно гудела.

Я направился к лестнице, ведущей наверх. Пора было решать, что делать дальше. Листовки — да, но не сегодня. Сегодня — освоиться, поесть и лечь спать. А завтра — в город, на разведку. С ножом я буду чувствовать себя немного увереннее. Хотя не повышаю ли я ставки? До этого меня могли просто поколотить. А сейчас? Взять за правило, как говорят все инструкторы на YouTube: вытащил нож — реж. Это не средство для запугивания. Если ты не преступник (хотя убийцы тоже следуют этому правилу), достал, порезал, убрал. Никаких лишних движений. И эта реальность, в которой я вынужден жить. А может, и наслаждаться жизнью.

Нож я оставил в комнате, в свёртке под топчаном. Карманов в куртке нет, пришить не успел. Пока пусть лежит.

А заодно ещё раз мысленно себе напомнил: нож — это не понты и не средство запугивания. Достал — режь. Не готов резать — не доставай. Только идиоты и дешёвые бандиты машут железом перед носом, чтобы напугать.

Глава 6. Алхимик и сплетни

Поднявшись наверх, я поискал взглядом Динью. Она опять стояла на своём месте возле статуи Мары. Я подошёл ближе и услышал, как она что-то шепчет — молитву. Часть я пропустил мимо ушей, будучи занят своими мыслями, но несколько слов запомнил:

«Мара, милосердная мать, услышь нас. Согрей сердца тех, кто потерял надежду. Направь страждущих к свету. Дай нам силы любить даже тех, кто ненавидит. Да будет так.»

Дождавшись, пока она закончит, я обратился:

— Добрый день. Я хотел спросить насчёт расписания: завтраки, обеды, ужины. Я понимаю, что первый раз это было в виде исключения — вы принесли мне еду.

Динья мягко улыбнулась:

— У нас по расписанию: сначала утренняя молитва, потом завтрак. Через некоторое время — обеденная молитва и обед. И вечерняя молитва с ужином. Сейчас как раз обеденное время, но ты пропустил молитву. Видишь вон там, в том

направлении? Там столовая. Можешь пройти.

Я поблагодарил и направился куда указано.

Трапезная оказалась просторной комнатой с низким каменным сводом. В центре, под широкой вытяжкой, пылал массивный очаг, в котором висел большой чёрный котёл. Пламя лизало его дно, отбрасывая пляшущие тени на стены. Вдоль стен стояли грубо сколоченные деревянные столы и такие же скамьи. На одном из столов — глиняные миски, деревянные ложки, кувшины с водой. Пол каменный, местами присыпанный соломой. В углу — деревянное распятие с символом Мары. Пахло дымом, варёным мясом и травами.

У очага хлопотала женщина в сером, застиранном платье и белом колпаке. Она помешивала в котле длинным половником. Движения её были точные, отточенные, но видно, что она устала. Я мельком подумал: «Кстати, я не помню в Скайриме печей. Готовят на открытом огне — неудобно. Хотя выпечка вроде есть. Странно».

Я сразу машинально отметил количество людей в помещении: женщина в переднике с половником, и ещё трое. Первый — похож на послушника, второй — на дворника, третий — такой звероподобный, лохматый, на лесника.

Подошёл к раздаче, взял со стола деревянную тарелку и деревянную ложку. Мне молча наложили похлёбку. Заглянув в тарелку, я увидел, что она сварена с добавлением помидоров, каких-то специй, бобов. О, даже кусочек мяса! Я поднял взгляд — мне ещё протянули кусочек хлеба. Так это просто шикарно. По сравнению со средневековым бытом, который я ожидал, я здесь просто как сыр в масле катаюсь: меня холят, кормят, лелеют.

Все сели за стол. Я начал есть неторопливо, но заметил, что все почему-то спешат. Лесник вообще просто закидывал еду в себя, быстро закончил и подбежал за добавкой. Значит, можно брать добавку. Я тоже поспешил, чтобы сходить за второй порцией. Но хлеба нам больше не давали — видимо, хлеб ограничен.

Ещё я заметил, что лесник, когда двигался за добавкой, хромал на одну ногу. Значит, если когда-нибудь придётся к нему подходить — лучше с правой стороны, со стороны хромой ноги. Безопаснее.

Промелькнула мысль: «Почему я вообще делаю такие пометки для себя? Почему сразу определил, сколько людей в помещении, чем они занимаются, и с какой стороны лучше подойти к леснику?» Выверты подсознания — прошлые жизни дают о себе знать. Ладно, проблемы с самоидентифи-

кацией будем решать потом.

Я подошёл к раздаче, опять молча протянул тарелку, получил свою порцию, сел обратно и уже ел неторопливо.

Закончив трапезу, еле-еле впихнул в себя последние частицы еды. В принципе, я и после первой порции был сыт; вторую съел уже через силу. О чём это говорит? Похоже, что я очень часто не доедал. Из помещения я выходил последним, заканчивал трапезу тоже последним. Вижу, все поспешили на выход. Куда они все пошли? Кто эти люди? Чем они занимаются? Как они относятся к храму? Какое у них место в иерархии?

Потом вспомнил, что храм, вроде, находится или даже встроен в административное здание. «Административное здание» — такого слова тут, наверное, нет, а сама мысль пришла на русском языке. Тут я заметил, что вообще думаю не на русском. Сделал себе пометку. Буду размышлять об этом позже.

Пошёл к выходу. Тарелку просто положил на стол — так делали все. Наглеть так наглеть, каждый должен заниматься своими делами, а у меня дел сегодня выше крыши, кто вообще определяет, вот это твои дела, всегда хотелось заниматься чем-то новым, после каждого потолка, который пробиваешь.

В комнате я закрылся и задумался: брать с собой нож или нет? И как его вообще прикрепить? Пока я решил, что ножом займусь на следующий день. Нужно будет придумать способ крепить его к куртке, чтобы можно было легко и быстро достать и неожиданно применить.

Я помахал руками, размялся. Странное чувство: вроде и силы есть, а уже за день столько всякого произошло. Может, пока я валялся без сознания, мне какие-то зелья вливали?

Выйдя из комнаты, я осторожно, оглядываясь по сторонам, направился в сторону, откуда вообще пришёл в этот мир — к выходу из храма. Подойдя к знакомому стражнику у ворот — его звали Хротар — поздоровался:

— Приветствую. Как служба? Всё хорошо?

Он ответил странно, с напряжением:

— А ты с какой целью интересуешься, щенок?

— Воу, воу, полегче. Просто хотел проявить участие.

(А сам подумал: «Похоже, я рано перешёл на панибратское общение. Где же почувствовать грань? Вроде и не так

сильно перегнул палку...»)

Хротар смягчился:

— Ладно. С чем пожаловал-то, блаженный?

— Да хотел спросить, где тут можно послушать сплетни, может быть, перекусить... Хотя перекусить — это я слишком позитивно думаю, денег-то нет. Раздать листовки.

(А сам подумал: «В первую очередь — послушать слухи».)

— А это... Есть «Буйная фляга», есть «Пчёлка с жалом». Вон неплохая таверна, там суетятся торговцы и работники. Тебе скорее всего туда. А в «Буйную флягу» думаю только если хочешь башку потерять.

Тут у меня возник вопрос: «Буйная фляга» — это же Крысиная нора, которая под Рифтеном, в канализации? Зачем он её упомянул? По сути, я же не должен знать. Может быть, просто как предостережение — слухи всякие ходят.

Хротар продолжил:

— А вообще, ты что, ходишь везде разнюхивать, а, блаженный? И тумакон уже успел получить, и к стражнику за

конфискатом сходил, и нож теперь у тебя есть. Не преступный ли ты часом? И зачем тебе нож?

(А у меня мысль: «Откуда все знают, что происходит в Рифтене? Всем, как правило, на всех всё равно. А тут — дай время, прошёл всего день, а уже знают. Странно».)

— Уважаемый, есть такое дело. Тут перепало мне недавно. А не подскажешь, откуда все такие слухи ходят? Кому какое дело до какого-то блаженного, который раздаёт листовки? (А сам подумал: не ты ли мне советовал вооружиться, а теперь претензии какие-то?)

— Парень, у нас город маленький. Необычные истории все запоминаются. Тем более ты ходишь в чёрной мантии, ещё и в куртке, а теперь ещё и с ножом. Слишком выделяешься на фоне всех остальных. И советую тебе шибко не нарываться здесь.

— Да ты что? Я вообще просто ищу способы заработка. Законные, между прочим. Я себе обещание дал, что буду зарабатывать законными методами. (А сам подумал: «Если они, конечно, справедливы». Я дал себе обещание — можно сказать, обет.)

— Ладно, парень, иди давай. Не моё дело. Я вообще-то на

посту нахожусь.

— Ладно, спасибо тебе, Хротар. Пожалуй, побежал. Тебе, кстати, не нужна ещё одна листовочка?

Он просто махнул рукой — отгоняет.

Я попрощался, развернулся и пошёл в сторону лавки алхимика. Вот и лестница, вот и Крысиная нора. Вроде и не так давно было, а вроде как целая вечность прошла.

Прошагал через мостик, подошёл к двери алхимика. Надо вспомнить, что я хотел спросить, какой у меня шаблон действий. Надо к помощнице подлизаться — может быть, свой план по добыче сырья. Ещё я слышал, что Динья вроде бы снабжает алхимика сырьём. Никогда бы не подумал, что деньги в лесу валяются, прямо под ногами. Может, есть ещё какие-то люди, кто травы собирает? Тот же послушник из столовой — чем он зарабатывает на жизнь?

Открываю дверь — слышу скрип. В нос ударила тысяча запахов различных трав. Смотрю — алхимик один, что-то толчёт в ступке за прилавком. Помощницы нет — видать, ушла раньше. Эх, ладно, постараюсь ещё завтра с ней пересечься. А может, сначала подготовить бизнес-план.

— Приветствую, уважаемый.

Он, даже не поднимая взгляда, буркнул:

— Чего тебе? Если ты зарегистрированный — жди. Если за ядами — тоже жди. Если просто лясы точить — проваливай отсюда.

— Уважаемый, я не покупатель. Я из храма Мары. Я бы хотел уточнить по принципу действия алхимии: как они вообще действуют на организм?

Он прекратил толочь, поднял голову и посмотрел на меня.

— А что конкретно тебя интересует? Так-то у нас есть и профессиональные секреты.

— Нет-нет, я не собираюсь узнавать, каким способом готовят те или иные зелья. Я просто хотел узнать, как именно действует на организм зелье. Как происходит заживление? За счёт своих ресурсов? За счёт ресурсов магии? Или вообще каким-то необычным способом? Что происходит с человеком, когда он выпивает зелье выносливости?

— А ты про это...

Он вздохнул, отложил ступку и начал объяснять:

— Слушай, парень. Зелья — они разные бывают. Самое простое — чистая химия. Ты пьёшь — и твой организм сам начинает быстрее заживлять раны, выбрасывать усталость. Внутренние резервы. Дешёво, но быстро проходит, и организм изнашивается.

Второе — смешанное, есть магия. Она помогает телу, но не вместо него, а вместе с ним. Раны затягиваются быстрее, но и ты сам не пустеешь. Дороже, но и толку больше.

Третье — эликсиры. Это уже почти зачарование. Магия записана прямо на жидкость. Ты пьёшь — и она работает сама, почти не трогая твои силы. Такое могут делать только настоящие мастера. И стоит оно — ты не поверишь. Всё понял?

— В общих чертах. Спасибо.

— А что ты ещё хотел, парень? Я вообще тебе рассказал только потому, что ты из храма. Из глубокого уважения к Динье.

— А вы здесь один? Что-то не видно у вас помощников. Ещё хотел уточнить по ценам на сырьё. Кто вам приносит

сырьё? Может быть, если я вдруг смогу раздобыть какие-то травы, то смогу принести вам.

— Между прочим, теоретически я знаю, как всё это хранить. Мне просто не хватает первоначального капитала для заработка на травах.

Я начал объяснять алхимику всё, что знаю про корзины, про то, как хранить, про свои мысли по сбору ингредиентов. Поделился знаниями, что для чего нужны реторты, кубки, рекуператоры. Аккуратно подбирал слова, чтобы неожиданно не сказать по-русски.

— Да вижу, что ты хоть что-то знаешь. Что ж, желание хорошее. Если будет сырьё — конечно, приноси. И с благодарностью к храму я даже буду выгодно у тебя покупать.

(Тут можешь сам решить, какие расценки. Например: горный вереск — 1 септим за пучок, светящиеся грибы — 3 септима, медвежья желчь — 10 септимов.)

— Большое спасибо за информацию. Надеюсь, мы ещё увидимся. Ладно, мне пора.

Аккуратно вышел из помещения.

Выйдя, как всегда оглянулся — уже по привычке. Быстрым шагом направился к таверне «Пчёлка и Жало».

Проходя торговую площадь, вдруг услышал:

— Эй, парень! Да-да, ты! Не хочешь случайно заработать?

Я вспомнил канон игры, просто помотал головой и ускорил шаг. Незачем мне влезать во все эти дела — знаю я, чем это заканчивается.

Подойдя к таверне, как всегда оглянулся, аккуратно зашёл. Осмотрел помещение внутри и посетителей.

Таверна «Пчёлка и Жало» оказалась двухэтажной. На первом этаже — просторный зал с низкими потолками, подпираемыми деревянными балками. В центре — большая каменная жаровня, над ней — вытяжка. Вдоль стен — столы и лавки, на столах — кружки, кувшины, свечи в железных подсвечниках. В углу — небольшая сцена для музыкантов, пустая. Лестница на второй этаж уходит вверх, в сторону комнат для постояльцев. За стойкой — аргонианин, кажется, мужская особь, с усталыми глазами и чешуёй, поблёскивающей при свете факелов. Несколько посетителей: пара торговцев в дорожной одежде, один наёмник в углу, хмурый и небритый, и какой-то местный в потрёпанной куртке, кото-

рый что-то записывает на клочке пергамента.

Я подошёл к бармену — или хозяину таверны, как они тут называются — и аккуратно завёл разговор:

— Добрый день. Меня зовут Сим. Я из храма Мары. Если я не помешаю, можно я тихонечко, без навязчивости, попробую раздать свои листовки? Всего лишь работа, ничего личного. Если вы категорически против, я не буду этим заниматься.

Аргонианин поднял на меня свой тяжёлый взгляд, потом сказал:

— Вал-ляй. Но тол-лько давай бес-с вс-сех этих проповедей и навяс-с-чивости.

Кстати, аргонианина я впервые видел так близко. Говорил он с лёгкими шипящими нотками, растягивая слова. Ещё должны быть и каджиты — встречал их в храме, но сильно не разглядывал.

— Конечно. Если я буду вдруг навязчивым, вы можете просто дать мне знак, и я тут же завершу все свои дела здесь.

— А нас-счёт тех людей, кому мож-жет быть нуж-жна твоя

помо-с-шь... Вон видишь, парень какой-то наёмник с-сидит в углу, глуш-шит с самого утра. Видно, потерянный человек.

— О, это как раз может быть мой клиент. Люди, которые ищут ответ, люди, которым нужна помощь. Спасибо за совет.

Я аккуратно подошёл к наёмнику. Худощавый, очень жилистый, видно, что бывалый, много наверное пережил.

«Нужно быть не очень навязчивым. Что делать, как же подойти?»

Я решился:

— Приветствую. Не хотелось бы быть навязчивым, хотя, знаете, наверное, стоит немножко и быть навязчивым. Я просто заметил, что у вас горе какое-то. Такие люди, сильные как вы, всегда всё копят в себе. Но, как правило, накопленное никуда не уходит. Оно рано или поздно производит взрыв — и как всегда не вовремя. Если вам нужна помощь, какие-то ответы, возможно, вам просто нужно поменять место. Бывают такие места, что просто своей энергетикой, аурой, ощущением спокойствия, умиротворением дают нам ответы на наши вопросы, успокаивают и исцеляют наши души. Загляните в храм Мары. Не обязательно молиться или верить неистово. Просто посидите. Может быть, полу-

чите какие-то ответы. Возьмите листовочку.

Я развернулся и поспешил от него прочь. Краем глаза заметил, что дрожащими руками он всё-таки взял листовку.

Я направился к свободному стулу в углу, оглянулся ещё раз вокруг. Да, похоже, больше моих клиентов тут нет. Но у меня есть другие важные дела. Я начал вслушиваться в разговоры, которые происходили в таверне.

Слухи (то, что можно было услышать):

За соседним столом двое торговцев обсуждали Ульффрика Буревестника: «Говорят, он собирает армию. Имперцы не знают, что делать. В Виндхельме уже открыто говорят о восстании. До войны рукой подать».

Один из них упомянул, что в горах возле озера Хонрич снова появился горный вереск — редкая трава, её скупают алхимики за хорошие деньги.

В углу, возле стойки, какой-то пьяный каджит жаловался аргонке: «Много проблем, много проблем. Скума, лунный сахар... Караван задержали стража, забрали товар. Если не вернуть долг, меня посадят в тюрьму. Или того хуже». Аргонка молча наливала ему эль, не комментируя.

Послушав все истории, я понял, что ничего нового для себя не услышал. Стал собираться на выход.

Выходя из таверны, я по привычке оглянулся — уже автоматически отмечая все места, откуда может быть опасность. Откуда такие навыки? Мысли потом.

На улице уже начало темнеть. Быстренько направился в храм. Похоже, ужин я просто пропустил. Хрен с ним, информация важнее.

Подходя к храму, аккуратно, издалека посмотрел — не стоит ли кто-то за каменной стене, в проёмах. Быстренько прошёл, зашёл с нижнего этажа, прямым ходом через склад в свою комнату.

Зайдя в комнату, заперся. Что теперь нужно делать? При моём физическом состоянии и усталости качаться уже не имеет смысла — да и эликсиров нет, и последнее — чем? Помедитировать? Может быть, нужно растянуться.

Несмотря на эти мысли, я сначала поприседал, поотжимался, потом растянулся. В итоге сел на стул медитировать — побоялся садиться на кровать, вдруг засну, потому что усталость уже накатила.

Я начал медитировать на заживление ран, а также на концентрацию маны во второй чакре. Почему выбрал вторую чакру? Не знаю, интуитивно. Почему-то посчитал, что это правильно.

Сначала, как и утром, гонял манну по всем повреждённым участкам с информационным посылом «заживление», «восстановление». Самое интересное — эффект был сильнее, чем с утра. Все царапины зачесались, припухлости ушли, синяки немного пожелтели. Полного заживления не было, но эффект уже есть. Тело начало лучше себя чувствовать.

Потом я начал медитировать на концентрацию маны во второй чакре. Просто сначала набрал манны, а потом удерживал её, уплотняя. Почувствовал, как напрягаются все мои оболочки, вся аура. Ощущение — как будто неподъёмный груз взял, и мышцы начинают ныть. Вот похожее ощущение, только в ауре.

Сделав несколько подходов с перерывами на отжимания, получилось целых двенадцать, пока не почувствовал усталость.

Несмотря на то, что очень сильно хотелось лечь спать, я

всё-таки заставил себя встать и выйти на задний двор. Старался не смотреть за угол, где располагается склеп со входом в Гильдию воров — мало ли, заметят, что я туда смотрю, ещё ликвидируют. Умылся холодной водой и вернулся в комнату. Опять заперся.

После холодной воды я взбодрился, так что решил ещё по-пробовать поэкспериментировать. Разделся полностью, взял мантию, попытался ощутить, как происходит магическое явление: подключение внешнего насоса и направление манны в мою ауру. Попробовал воспроизвести этот эффект инфоблоком. Самое интересное: когда я концентрировал манну с этим посылом, я смог наблюдать, что моя аура, которая впитывает манну, ускорила этот процесс. Очень интересный эффект.

Отложил мантию. Взял в правую руку кинжал, в левой начал концентрировать, уплотнять манну — это вызвало очень сильное напряжение концентрации. А потом попытался считать с ножа информацию — можно сказать, инфоблок. Не то чтобы скопировать его на свой уплотнённый шар манны, а просто попытался сделать свой шар, чтобы он также звучал, имел такой же оттенок и такой же информационный посыл, как инфоблок в ноже. Через некоторое время у меня даже получилось что-то: я почувствовал, что шар начал наэлектризовываться. Я продолжал концентрироваться на шаре. В

конец концов я устал и решил, что делать дальше. Волевым посылом я отправил этот инфоблок в угол комнаты. Он полетел туда и рассыпался, воспроизведя небольшие разряды и разметав всю мелкую пыль в углу с небольшим глухим звуковым сопровождением и треском электроразрядов.

Начало положено.

И я просто лёг спать, но сначала надел мантию. Потому что почему-то подумал: невозможно же спать на такой твёрдой ткани, набитой соломой, она ещё шуршит, шелестит. Нет, просто лежать голым телом на этом не получится. Еле-еле, стараясь не двигаться, чтобы не создавать шума, я даже не заметил, как заснул.

Глава 7. Спортзал

Хотелось бы, конечно, чтобы пробуждение было от того, что солнышко светит тебе в лицо, ты потянулся всем телом и чувствуешь тонус в мышцах. Но реальность разочаровывает — просто лицом в фекалии отпускает.

Проснулся я от того, что застонал. Чуть не закричал от того, что хотел повернуться во сне и почувствовал всю боль в мышцах. Пытаюсь встать — и у меня не получается даже толком сесть на кровать. Второе пробуждение такое тяжёлое, тяжелее было только в первый раз, в первый день. Опять встаю как будто после наркоза.

Попытался сесть, раскачиваясь на ватных руках — не смог, рухнул на пол, придавив собственные ладони. На карачки вставал через силу, каждое движение простреливало тело болью. Казалось, болит каждая клетка. Хватаясь за спинку кровати, согнутый в три погибели, кое-как принял вертикальное положение — в позе «зю». До стула доковылял, скрюченный и жалкий. Опустился на сиденье, вдавливая спину в стену, чтобы не упасть. Быстренько погонял манну по организму, пытаясь сконцентрировать её с инфоблоком «заживление», «восстановление». Где-то через час ме-

дитации решил проверить результат. Синяки уже прошли, очень мелкие царапины практически зажили, крупные не изменились, но уже видно, что начали заживать. Лицо практически без побоев. Это прогресс. Да и тело начало лучше двигаться.

Не стал задерживаться — встал, поскольку уже могу это сделать, и решил пойти на завтрак, а то вдруг пропущу.

Поднявшись по лестнице, посмотрел: все сидят на скамейках, идёт молитва (или как это правильно называется). Я тихонечко, с краю, сел на скамейку и начал медитацию на уплотнение манны в своей чакре.

Заметил тот факт, что чакра — это насос. Да, помимо того, что они качают какие-то тонкие энергии во вселенной, через них ещё проходит и магическая энергия, манна. Не знаю, откуда она качается, потому что она не идёт из окружающей среды. Из каких областей пространства она производится? Непонятно. У всех ли магов так, или я особенный? И как вообще правильно это делается?

Ладно, напрягаю свою ауру, пытаюсь уплотнить манну — у меня потихонечку даже получается лучше, чем вчера.

Меня отвлекло от медитации то, что кто-то положил мне

руку на плечо. Открыл глаза — увидел улыбку Диньи.

— Доброе утро. Завтрак уже начинается. Тебе бы стоило поторопиться.

Я оглянулся вокруг: некоторые люди уже покидают храм, некоторые остаются сидеть на скамейках. Небольшая группа людей, а именно семь человек, направились на кухню.

— Спасибо, — сказал я Динье и поспешил за ними.

Завтрак проходил в принципе так же, как и обед вчера, только народ был другой. Добавились ещё какие-то мастеровые. Кто эти все люди? Непонятно.

Завтрак закончен, я вышел опять в зал, увидел Динью, решил подойти:

— Динья, не подскажете, где можно достать какие-то швейные принадлежности? Мне нужно зашить, заштопать некоторые дырки в одежде. Если вообще в храме такое есть.

Динья посмотрела на меня странным взглядом, потом сказала:

— Я могу одолжить тебе свои, дитя. Следуй за мной.

Она прошла в свою комнату, достала из комода деревянную коробочку и протянула её мне.

Я взял коробочку, поблагодарил и поспешил в свою комнату.

В комнате думал, каким образом лучше доставать кинжал, как лучше к куртке его прикрепить, хотелось бы скрыто, на поясе есть вероятность, что карманники украдут кинжал. Нужно, чтобы его можно было незаметно и быстро достать. В итоге решил расположить его на внутренней стороне куртки, рукоятью вниз, с какой-нибудь ниточкой или заклёпкой, которую можно легко убрать, чтоб сдерживала нож от падения. Есть опасность, конечно, что при интенсивном движении он выпадет, зато его будет очень просто и легко доставать. Как решить эту проблему? А если сделать внутренний карман из плотной ткани, пришить его к подкладке куртки так, чтобы нож входил рукоятью вниз, а лезвие упиралось в шов. Или прикрепить две кожаные петли — тогда нож не выпадет, но вытащить его можно будет быстрым движением.

Я тут вспомнил: во время первой инвентаризации комнаты мы наткнулись на какой-то моток ниток. Если магия повсеместная, может, есть и какие-то обыденные магические явления? В итоге помогла резинка (на самом деле эластич-

ный кожаный шнурок). Откуда в храме взялся такой шнурок — загадка. Видимо, какая-то магическая обработка кожи, позволяющая ей растягиваться и возвращать форму. В любом случае, мне повезло — магическая резинка. Не знаю, насколько это ценный элемент, но я просто решил: раз у меня такие широкие рукава у кожаной куртки — как в фильме «Антикиллер» (там один из героев, старый зек, держал нож на резинке в рукаве), — повесить нож на резинке. При небольшом движении можно вытащить нож из рукава. И пока я всё это проделывал, повторял про себя: «Чупа-чупс, красивый такой, chupa chups, всегда беру с собой». Да, не очень удобно ходить, да и лезвие получается расположено вверх, и хват первый идёт обратный.

Я прямым хватом ножом не умею владеть, не то что обратным. Многие специалисты говорят, что обратный хват — это всё-таки либо экстра-профессионализм, либо глупость. В спортивном фехтовании ножами его практически никогда не используют. Обратный хват, по моему мнению, — это всё-таки хват для того, чтобы резко и незаметно ликвидировать человека из-за спины в тёмное время суток, снять часового, как говорится.

Так что, потренировавшись в извлечении ножа и смене хвата, я остался доволен. Пытался и лёжа его быстро достать, и сидя, и из положения «зю». Как только не изгибался.

Ладно. У меня возникла идея: надо отрабатывать свою полёбку. Встал и вышел из комнаты. Вышел на улицу, посмотрел на двор храма — заросший травой, сорняками. Дорожка из камней, ведущая в храм, тоже вся в траве и мусоре. Огляделся вокруг, нашёл деревянную лопату и метёлку. Пришёл к выводу: незачем ждать, когда тебе работу предложат, — выбирай работу сам. Начал чистку храма, как это я вижу. Может, конечно, неуместно. Да пофигу, наглость рулит. Решил просто сделать эту работу, даже если меня не просят.

Уборка заняла около двух с половиной часов. Не думал, что так долго придётся выковыривать грязь из камней лопатой, чистить от сорняков, а потом ещё и подметать. Всё лишнее — землю и сорняки — я выкидывал на задний дворик храма. Заметил, что там есть телега с пожухлой травой. Наверное, они как-то чистят маленькое кладбище, которое находится за храмом. Но к самому кладбищу я не решился подходить — слишком боялся маячить, зная о секретном ходе в Гильдию воров. Да и убираться там не стал. Дай уже — вымотался в конец.

Я тогда ошибся — храм Мары стоит особняком, просто плотная застройка Рифтена создаёт иллюзию, что все здания слеплены в один конгломерат. А вот та пристройка с лестницей за решёткой действительно ведёт куда-то вглубь, но это

уже другая история, похоже на локацию с канонным квестом.

Умывшись в бочке, смотрю — воду уже почти истратили. Подумал: может, сходить за водой? Потом махнул рукой. Для меня сейчас жизненно важная медитация — это залог выживания. Так что простите, добрые манеры, наберу воду после. До вечера ещё не так долго. Ориентироваться по времени сложно, сидя в маленькой камерке без белого света. Чисто ориентируюсь по звукам храма.

В конце концов, измотав себя различными видами медитации, я услышал звуки, предшествующие обеду (или обедне — как тут правильно называть?). Встал, открыл дверь и двинулся на молитву, после которой уже будет обед. Как ни странно, медитация во время молитвы прошла даже продуктивнее, чем в своей комнате. Возможно, это как в библиотеке: в библиотеке ты вынужден читать более сосредоточенно и концентрируешься на цели.

Очнулся (или отвлёкся от медитации), когда услышал шелест одежды и понял, что люди начали вставать. Смотрю — люди уже пошли в столовую. Решил не задерживаться, тоже двинулся туда.

Во время обеда не торопился. Обдумывал магические явления и то, что у меня по факту получилось заклинание, ко-

торое я могу пускать. Хоть и не такой мощности, как хотелось бы. Надо попробовать на каком-нибудь животном проверить, насколько оно эффективно. Что-то я поостерегся бить своим заклинанием себе по ноге.

Тут у меня также прошли фоном мысли по поводу пространственных перемещений и артефактов с расширенным пространством. По факту, в игре таких не было — всё заменял интерфейс. Но это же игровая условность. Ну, с учётом всех вводных про магию, такие артефакты имеют место существовать. Но позволят ли Аэдра этому? Проанализировав информацию, которая у меня есть (ну, по крайней мере, которую я могу вспомнить), понимаю, что Аэдра такого бы не позволили.

Ещё понял свой шаг развития по усилению своей ауры. Вдруг осознал, что путь-то на самом деле очень долгий. Надо попробовать всё-таки в будущем задумки по поглощению мелких камней душ. Всю информацию, которую я смог вспомнить при падении, пока летел в трубе.

Надо подойти к Динье и вернуть ей принадлежности для шитья. Думаю, с просьбами раздать листовки пока не буду подходить — да и у меня ещё осталось парочка. Их не особо-то и сильно разбирают.

Давай подумаем, какие же дальнейшие шаги мне нужно сделать. Ещё раз сходить к алхимику. По аналогии надо попробовать пощупать своими способностями эликсиры (или заклинания) — то же не даст, было бы здорово, хотя бы алхимические зелья.

Надо попробовать всё-таки выйти из города и пробежаться вокруг стен. Вроде как это достаточно безопасно. Но не поздно ли я встал? Травники, наверное, уже давно всё прошерстили. Единственная надежда, что люди, специализирующиеся на сборе ингредиентов, всё-таки идут куда-то вглубь леса, а не бегают вокруг города. В игре часто наблюдал, что в городах где-то растут алхимические ингредиенты. Если их только специально не выращивают, можно встретить просто на улицах. Однако сколько я уже два дня бегаю по городу — ещё не видел ни одного цветочка, который подходил бы как ингредиент. Да я и не так их много помню: синие цветочки, жёлтые цветочки, оранжевые были. Бабочек можно отловить.

Может, попробовать порыбачить? Опять же нужно снасти искать. Да и нет тут водоохранки, так что люди тут сетями ловят. Можно ли удочкой нормально что-то поймать? Только мелочь, наверное.

Как ни странно, даже не торопясь, я всё равно успел на до-

бавку — второй раз взял ещё одну порцию. За своими грустными раздумьями. А с другой стороны — какие грустные раздумья? Я, мать его, могу колдовать! У меня как минимум одно заклинание получается. Это же просто невероятно. И без дополнительного обучения — как бы самоучкой. Ну, терзают меня смутные сомнения, что не всем это доступно. Возможно, даже не все видят магические проявления.

Да, ещё нужно раздобыть какой-нибудь инвентарь для тренировок. Хотя бы какое-нибудь бревно. С моим опытом я могу тысячу упражнений придумать с бревном.

А восстановление... Всё-таки за неимением эликсира я могу пока только медитировать. С практикой восстановления без эликсиров не такими семимильными шагами, но всё же буду идти вперёд. И в конце концов нужно, как я задумывал, сделать какой-нибудь рюкзак из корзинок — как я самоотверженно описывал алхимику.

Закончив трапезу, я, положил тарелку на стол грязной посуды. Поколебался, но всё-таки предложил:

— Может быть, вам помочь помыть посуду?

Кухарка посмотрела на меня таким странным взглядом. Повисла долгая пауза. Потом она кивнула. «Немая, что ли?»

— подумал я. Она как раз собиралась завершать сбор посуды в большие деревянные вёдра. Захватив эти вёдра, мы вышли на задний дворик храма. Пройдя чуть дальше, чем я привык, увидел, что там ещё есть бочки.

Даже не знаю, как её зовут, но женщина показала мне, куда поставить вёдра. Я поставил, после чего мы принялись за мытьё.

Пока мыл, я обдумывал всё, о чём думал в столовой. Пока волевым решением не остановил себя — потому что уже начал мусолить одно и то же, круг за кругом, круг за кругом. Как раз к тому времени помывка посуды закончилась.

Попрощавшись, пошёл заниматься своими делами. С Диньей решил поговорить вечером — вернуть нитки с иглками. Заодно попрошу корзинки. Может, к стражнику зайти? Или к Марамалу обратиться — не одна же Динья здесь живёт.

Подошёл к Марамалу.

— Приветствую вас, святой отец. Можно ли к вам так обращаться?

— Нет, дитя. Лучше называй меня жрец, но я не ярл. Ко

мне можно и проще обращаться. Зови меня Марамал или отец Марамал, как тебе удобнее.

— Хотел спросить. Я заметил, тут очень много различных корзинок, которые в принципе не используются, или устаревшие, или некоторые даже сломанные. Можно ли мне одолжить их? Я хотел бы себе сделать рюкзак.

Я изложил ему свою задумку. Внимательно выслушав меня, он ответил:

— По дороге в твою комнату, в подсобке, в подвальном помещении у нас как раз лежат эти корзинки. Можешь пользоваться, если хочешь. Никто даже не обратит на это внимание.

Улыбнувшись, я сказал спасибо и решил попробовать реализовать задумку.

Реализовать её оказалось очень непросто. На это у меня ушла практически оставшаяся часть дня. Несколько раз я переделывал, несколько раз просто ходил и искал подходящую корзинку. В каком-то месте даже деревянную коробочку поставил. Из остатков, обрывков всяких тряпок, соединял две тонкие деревяшки как раму для спины. Использовал единственное, что нашёл, — верёвки для лямок. Ткани, чтобы

сделать плотную материю плоскую, не нашёл. Оно ещё не время, можно ещё доработать. Остановила меня только то, что я уже услышал — люди начали собираться на вечерний приём пищи и на вечернюю молитву.

Я поднялся, расправил затёкшие руки и плечи. «Так и не позанимался», — подумал я. Ладно, успею. Направился наверх. Молитва и трапеза прошли без изменений, как для меня.

После ужина я подошёл к Динье и протянул ей коробочку с фурнитурой. Заодно спросил, где бы раздобыть ненужную ветошь, и поделился своей задумкой. Она даже ничуть не удивилась.

Она заметила:

— Кто-то убрался у нас во дворе. Не знаешь ли, кто это сделал?

— А разве я что-то сделал не то?

— Нет, всё правильно ты сделал, дитя. Ладно, пойдём, у меня тут вроде ненужное тряпье где-то валялось.

Я прошёл за ней. Служительница передала мне тряпье —

вот вроде подходящее. Я уже развернулся, собираясь уходить. Как ни странно, она ничуть не удивилась.

Динья заметила:

— Постой, возьми. Пусть они пока будут у тебя, у меня есть запасные. Я думаю, без них ты всё равно не справишься.

Поблагодарив, побрёл завершать свой рюкзак. Сделал последние штрихи. Решил сегодня полноценно позаниматься.

Вышел в подсобку — там вроде есть коробки, которые можно использовать как спортивный инвентарь. Растянувшись, поприседал, взял коробки, поприседал с ними. Провёл весь комплекс упражнений на все группы мышц и растяжку. Мелькнула мысль: «Ещё бы кардио сделать... так где же?» Решил провести бой с тенью.

Также поработал над координацией и перехватами — соорудил из тряпки узелок, получился шарик. Бросал и ловил его разными способами, на скорость восприятия. Надо будет ещё маятник сделать, ладно. Пока хватит.

Весь потный, двинулся умываться. Воды уже почти не осталось — за водой не пошёл, использовал остатки. Подумал: надо с утра пораньше встать и набрать бочку, сразу две

наберу, а не одну.

Вернулся в келью.

Сел на стул. Решил, что пора заняться магией.

Сначала я прошёлся по воспроизведению заклинаний, попытался совместить выработку маны и концентрацию. С первого раза, конечно, не получилось, но что-то, какую-то дорожку я нащупал. Потом пострелял своим электрошаром по стенке. Удары начали издавать громкий хлопок. Скоро придётся тренироваться где-то на улице.

Всё-таки решился провести эксперимент: кинул свой электрошар в ногу. Нога выпрямилась, свело судорогой всё тело, и я упал как солдатик. Лежал, наверное, минуты две, раскачиваясь из стороны в сторону, пока не отошёл. Не думал, что будет настолько сильный эффект. Да, неожиданно. Глаз до сих пор дёргается.

Но внутри я прямо улыбался. Через боль, через судороги — я чуть ли не танцую. Я обрадовался, потому что понял: у меня появилось хоть что-то для защиты. Да, каст выходит достаточно долгим, но это уже дело практики.

Ладно. Сел. Попробовал увеличить скорость каста. Полу-

чалось с трудом, но я старался.

И последний эксперимент: решил провести тот же самый разряд, но чуть-чуть воткнуть ножик себе в ногу. Понимаю, что опасно, но нужно.

Удар током тоже был. Ногу свело, но настолько сильного эффекта, как в первый раз, не было. В чём же разница? Ладно, пока ответа нет. Может, концентрация лучше, может, подпитка маной.

Скорость каста, конечно, не увеличилась, но по крайней мере первый раз получилось без помощи считывания с ножа — сделал электрошар сам.

Как мне назвать это заклинание? Электрический разряд? Молния? Шаровая молния? Ну, до шаровой молнии ему далеко, так что пусть будет просто «Молния».

Под конец решил сделать просто медитацию, как в прошлой жизни — на все чакры. И чуть не заснул в процессе. Ладно, хоть очнулся. Дополз до кровати, лёг спать. Похоже, силы на заживляющую медитацию у меня уже нет.

Что ж, в этом мире ничего не меняется. Проснулся я, конечно, в таком же состоянии, что и вчера. Да, я уже опытный

— раскачивался, пока не упал с кровати. Уже на опыте встал, дополз до стула и начал восстановительную медитацию.

Как ни странно, в храме тишина. Похоже, я достаточно рано встал.

Медитация на этот раз удалась куда глубже. Я своими глазами видел, как затягивается, рубцуются сама ткань. Впервые увидев такое, я едва не выронил челюсть. От нахлынувшего восторга пришлось себя одёргивать — слишком уж разобрало.

«Пойду воду таскать, — вспомнил я. — Вчера я вроде как дал себе обещание с утра вот этим заняться».

Умываться нечем было. Взял вёдра. Кстати, вёдра уже поменяли: трещина на старом ведре пропала. Ну, точнее, это просто другие вёдра.

На улице народу было мало. Люди на базаре только-только начали собираться: убрали прилавки, раскладывали свой товар. Очереди у колодца не было. Я оглядывался по сторонам — помнил, что произошло со мной в первый раз.

Натаскал две бочки. Получилось, ходок десять-одиннадцать я сделал, точно не считал.

Умывшись, потрогал щетину, но ещё не бороду — не стал бриться. Да и ножик оставил в помещении.

Просмотрев с утра, что я сделал, попробовал походить с этим рюкзаком. Попробовал быстро его скидывать. Ну, кидать, конечно, не стал, а просто аккуратно снял, но быстро. Получается достаточно быстро. Попрактиковался.

Лямки вроде удобные. Эргономика — как у спортивного рюкзака, по задумке в какой-то мере реализовано: на поясницу изогнутая деревяшечка, обёрнутая тряпьем, сильно не давит. Центр тяжести смещён в тазобедренный сустав, а не на плечи. Достаточно удобно. Поперечный ремешок, правда, не делал, как у спортивных рюкзаков — побоялся, что если придётся быстро скидывать, то не получится. А по факту, по уму, неплохо было бы сделать.

Остался решить вопрос: медитировать, выйти за город или дождаться завтрака? Решил просто медитировать. Не изменяя себе: после восстановительной медитации поработал над кастом своего единственного заклинания. Попрактиковался в вытаскивании ножа. Дальше тренировал концентрацию на увеличение маны в резерве.

Также провёл эксперимент на полное опустошение маны.

Как и ожидалось, по моим выводам, каст просто не получался, или он получался очень слабым. Поскольку прямо чувствовалось, насколько разреженной становится мана в ядре, да и в каналах, да и в организме в целом. Но, как ни странно, никаких негативных ощущений я не почувствовал — ни слабости, ни головной боли, как описывают в фантастических книгах.

Также опять попрактиковался с маной заживления в области головы. Назову этот приём «массаж мозгов». Так вот, массаж мозгов вроде прошёл нормально, даже прояснилось немножко восприятие.

Попробовал закачать ману в глаза. Мне кажется, я поспешил. Резко стало ярко в помещении, глаза жутко зачесались, я даже почувствовал боль. Поэтому инстинктивно прекратил подпитку маной.

Что я могу сказать? Конечно, магические явления я увидел поярче, даже немножко увидел, что мана есть в воздухе. В каких-то местах даже концентрация видна — чуть-чуть сильнее. Это как в тумане передвигаться по помещению: ты просто видишь, где сильнее накурено, где менее накурено. Также подсветка зачарованных предметов стала поярче. Но даже прекратив подачу маны, я вижу, что в помещении — такое ощущение — стало ярче. Может, это и есть пресло-

вутое ночное зрение? Хотя вроде ночное зрение — это когда в серые тона окрашивается мир, а тут всё наоборот — просто ярче стало.

Ладно, надо поосторожней с экспериментами.

До меня донёлся шум сборов — народ потянулся на молитву. Я встал и привычно устроился на своей скамейке для медитации. Дальше всё по кругу: завтрак. Заскочил в комнату за рюкзаком и отправился побродить вокруг города.

Обойти его кольцом не вышло: дорогу перерезало озеро, вплотную подступавшее к окраинам. Идти по берегу дальше я не стал — так и кружил неподалёку, далеко от города не уходил.

Прошёл через ворота. Хротар, кстати, был на посту. Странно, почему-то я уже в последнее время не встречаю Питера на постах. О чём это может говорить? Ведёт расследование?

Поздоровался, спросил, как здоровье Питера.

— А что с ним станется.

— А ты куда собрался?

Я похвастался своим самодельным рюкзаком:

— Смотри, какая вещь! Сам смастерил, из корзинок.

Хротар присвистнул, обошёл меня вокруг, потрогал лямки, пооткрывал крышечки.

— Неплохо, — сказал он. — Даже очень удобно. Сам придумал?

— Ага, сам, — ответил я с гордостью.

— Ладно. Далеко не отходи от города, тут даже можно на бандитов нарваться и на дороге. Я бы тебе советовал. Но дело, конечно, твоё.

Поправив ножик, поправив рюкзак, я вышел за ворота.

Что же я вижу? При выходе слева какая-то конюшня, а за воротами, за стенами, просто начинается сразу лес. Что-то я поёжился сразу. Может, не так и безопасно здесь.

Решил сначала пойти налево, через конюшню, но там сразу начинается озеро. Развернулся и пошёл в другом направлении — направо, вдоль стены.

По дороге оглядывался по сторонам, судорожно вспоминая, какие вообще цветы есть, которые можно собрать. Может, грибы? Растущие на деревьях чагу — как вариант.

Может, сразу кастовать шар на всякий случай? Молнии.

Тут я увидел пробегающую лису. Да ладно? Возле стен лиса пробегает и не боится людей? Не может быть, блин. Таким макарон и волка можно встретить. Поэтому я присел на ближайший камень и начал готовить своё единственное заклинание. Похоже, тренировки пойдут в интенсивном порядке. Приобретая опыт поддержания инфоблока, смотрю по сторонам.

Пройдя вдоль стен до скал, я услышал треск — сухой, частый, как ломаемые палки. А потом увидел его. Волк несся на меня, но не так, как обычно бегут звери. Он двигался слишком быстро, слишком прямо, без того звериного приплюсывания и сомнений. Бешенство? Волки не должны себя так вести.

Я замер. Считать не было времени — ни метров, ни ударов сердца. Только его лапы, запомнилось его дыхание, и этот хриплый, вдох и выдох бегущего зверя.

Когда он прыгнул — в воздухе, — пустил в него заклинание. Магия ударила сухой, невидимой волной, с остаточными эффектами искр. Волк рухнул прямо передо мной, как макет таксидермиста: передние лапы скованы и выпрямлены, морда впечаталась в землю, задние дёрнулись мелкой дрожжей. Он не завыл — только воздух вырвался из лёгких с влажным, свистящим хрипом.

Я не ждал, пока он очухается.

Кинжал вошёл в глазницу с отвратительным хлопом — мягкое сопротивление глазного яблока, потом резкий провал лезвия вглубь. Волк обмяк. Я навалился сверху коленом, прижимая его башку к земле, и провернул нож. Раздался едва слышный хлопок — там, внутри, что-то лопнуло или съехало с места.

Я выдернул клинок. На лезвии осталось мутное студенистое месиво — остатки глаза. Пара секунд, и оно сползло по рукояти на пальцы. Липкое. Пахнет железом, тело было теплым.

Я вытер нож о шерсть волка — один раз, второй. Всё равно кровь осталась под ногтями, но хват как будто стал крепче от сухой крови.

А я хотел сидеть тихо и мирно в своей уютной комнатке и медитировать.

Отпустило только через полминуты. Я присел прямо на корточки возле туши, чувствуя, как дрожат руки — мелко, противно, как после долгого холода. Сердце ухало где-то в горле и висках, причем это не связано с какой-то усталостью, в ушах стоял ровный звон, адреналин.

Так, что с него можно снять? Шкуру. Теоретически. Как будто я умею это делать. Я вспомнил ролик на ютубе про зайца — там всё было аккуратно, надрезик, потом пальцами, и шкурка снимается чулком. Но это, мать его, волк. Здоровенная туша с грубой шерстью, плотным подшёрстком и кучей мышц, под которыми хрустят позвонки.

Я попытался скастовать заклинание — просто так, для уверенности. Мысль ускользала, руки всё ещё тряслись. С третьего или четвёртого раза получилось, но хоть что-то.

Правой рукой я схватил волка за заднюю лапу — она оказалась тяжёлой, как бревно. Я потащил тушу к стене, к более светлому месту. Волк волочился с глухим шорохом, голова безвольно билась о попадающиеся камни, оставляя тёмные разводы на них и на траве — кровь всё ещё сочилась из глазницы. Я выдохнул, перехватил поудобнее и дёрнул снова. Тя-

жѐлая тварь.

Когти на мѐртвых лапах цеплялись за ветки — сами собой, от волочения. Мне показалось на секунду, что он ещё жив. Но нет. Только механика, только дохлое мясо.

Когда я наконец дотащил его до стены, то просто сел рядом, прислонившись спиной к холодному камню. Пальцы всё ещё пахли железом и той сладковатой дрянью. Я посмотрел на них, потом на волка, потом в небо.

Ладно, нужно продолжать движение, волк теперь никуда не убежит.

Я пришѐл к небольшому коридору между скалой и стенами Рифтена. И тут я мысленно, чуть не ударил себя ладошкой по лбу. Надо включить своё магическое зрение.

Попытался также подпитать глаза манной. В этот раз всё прошло, конечно, безболезненно. Краски стали ярче. Думал, может, ещё подпитать нос манной, но не стал — сейчас не до экспериментов.

И да, наконец я увидел растение, которое в большом количестве содержит манну. Наконец-то хоть какой-то способ понять, какую траву мне собирать.

Первые цветочки находились прямо за стеной. Собрал полностью, поскольку мана была и в листочках, и в самом стебле — не стал отделять, просто аккуратно сложил в большую корзинку.

Дальше увидел какое-то искривлённое деревце. На нём росли розовые цветы, несколько штук. Не знаю, как она называется, но по концентрации маны, конечно, она неплохая. Вот она, читерская способность. Надеюсь, алхимик примет эти травы. А я-то даже и не запомнил те, которые он мне называл.

Собрав, как мог, то ли корень, то ли кору с кривых деревьев, пошёл дальше.

В итоге я всё-таки опять пришёл к берегу озера. По дороге я собрал четыре вида трав, но не так уж и много. Хочешь не хочешь, а всё-таки придётся немножко углубляться в лес.

И тут я увидел это. Тыква. Мелкая тыква. Зелёная, на огурец похоже. Может, её кто-то здесь выращивает? Не может быть дикой тыквы. Да и размерчики, в принципе, подкачали. Но ладно, на всякий случай возьму. Хоть и концентрация маны в ней была не слишком большой, но она же всё-таки была, по сравнению с другими травами, так неплохой.

Вдалеке вдоль берега увидел оленя. Пожалуй, я в ту сторону не пойду. Потому что уж очень большой этот олень, может, это вообще лось. Какая-то помесь лося с оленем. Ну его на хрен.

Опять же, вдоль берега идти боязно, а можно было бы поискать каких-нибудь грязевых крабов, если они здесь вообще водятся.

В конце концов всё-таки немножко отошёл от стены. Прощёлся, вдалеке увидел какие-то мельницы, но в их направлении решил не ходить и не рисковать.

В итоге ещё набрал несколько тыкв и каких-то цветочков. Крупные отсеки всё-таки забил тыквами, цветочками забил более мелкие. Ориентировался на концентрацию ма-ны в цветках.

Да как тут собирать-то? Далеко особо не уйдёшь — в горы со всех сторон, а в каких направлениях — нет, густой лес. Решил не рисковать, по горам не лазить, потому что где-то там, помнится, был Соловьиный зал. Лишние неприятности мне не нужны.

Делал паузу, чтобы концентрацию заклинания увеличи-

вать, потому что постепенно она угасала, приходилось возобновлять каст.

Побродив по кругу, решил пройти до мельниц. Мельница — это же, наверное, мука. Мука — это пшеница. Вроде пшеница является таким же ингредиентом. И использовалась в ряде зелий.

Дойдя до мельницы, увидел, что тут целая ферма. По дороге ещё забил несколько отсеков для трав. Вижу, где-то возле фермы пасётся бычок, куры бегают. Куры — это мясо. А ещё куры — это яйца. Но на территорию фермы не буду заходить, мало ли.

Решил пробежаться по дальним огородам. Народу вокруг не видно. Пригнулся, положил свой рюкзак у дерева, а сам направился ползком, вдоль забора.

Набрал пшеницы и даже набрал немножко лука. А может, и не лук. Но если выглядит как лук, пахнет как лук и на вкус как лук — то, наверное, это всё-таки лук.

Осторожно вернувшись к своему рюкзаку, попробовал пойти вдоль берега. Дойдя до моста, искал под ним корень нирна, ничего похожего не нашёл, решил возвращаться — большую часть корзины уже заполнил различными растения-

ми.

Как ни странно, грибы с концентрацией маны тоже нашёл. На берёзе росли.

Решил возвращаться к своей добыче — к волку.

Самое забавное: когда мне пришлось тащить волка, почему-то частенько встречались растения, как назло. Я не прекращал смотреть по сторонам. Где-то вдалеке даже слышались какие-то звуки, рыки и вой.

Волка пришлось тащить волоком, и в какой-то момент я просто взвалил тушу на рюкзак, пристроив её между лямками и спиной. Тяжело, но хоть руки освободились.

Сместившись поближе к стене, побрёл вдоль неё.

Зайдя в Рифтен, вместо Хротара я увидел Питера.

Подойдя к Питеру, я сбросил волка на землю, отпустил корзину.

— Привет, Питер. Как дела?

Он посмотрел на меня ошарашенными глазами.

Я, пожав плечами, говорю:

— А говорят ещё: «ходите возле стены, это практически безопасно».

— Слушай, не подскажешь, куда вообще можно сдать свежего волка?

Питер перевёл взгляд с волка на меня.

— Кузнецу лучше сперва обратиться, ты же всё равно не умеешь разделывать. Просто подешевле отдашь, скидку сделаешь — можно и не заморачиваться. Он разделает, снимет шкуру, отдаст мясо. А может, и мясо купит сразу. Если не купит, можно обратиться в «Пчёлку и Жало» — хозяйка таверны должна с радостью принять такое мясо.

— Подожди, там вроде за стойкой мужчина-аргонианин. Ты уверен, что хозяйка — она?

— Ты что, с дуба рухнул? Конечно, она. Кирава — аргонианка. Ящерица, по сути. А за стойкой её жених, Тален-Джей. Он помогает, но хозяйка — она.

— Спасибо, Питер, за помощь и за подсказки. Ладно, я

поташил.

Пройдя, как всегда, мимо базара, подошёл к кузнецу. Он как раз крутился возле точильного камня. Ещё раз бросил волка, отпустил корзину, подошёл и спросил:

— Уважаемый, как насчёт сделки?

— Меня зовут Балимунд. Насчёт сделки? Насчёт сделки — я не против. Что конкретно предлагаешь?

— Я тут волка раздобыл. Могу продать тебе шкуру. Если ты умеешь разделывать — сам не стал, боялся испортить. За сколько возьмёшься? Сколько будет стоить шкура? И возьмёшь ли мясо?

— Мясо мне не надо, волчья — жёсткая. Ну, разделать я могу. Давай за полцены шкуры.

— А что сразу за полцены? Шкура-то вон какая хорошая, нигде ни кинжалом не проткнута — чисто в глаз умертвил. Неужели за такое полцены всего лишь?

— Да разделать-то я могу найти кого с опытом. Да и разделать — не так уж и сложно, опытный человек легко справится. А если для себя делаешь — так вообще можешь сде-

лать как хочешь. Как говорится: хочешь, чтобы было хорошо — сделай сам. А то частенько от кузнецов слышал: «да что за криворукие шкуру снимали».

— Ладно, умеешь уговаривать. Хорошо, но скидка будет. Тебе кишки нужны?

— Они что, дорого стоят?

— Да какой там — это же волчьи. Даже в таверне не при-
мут.

— Печень, сердце — тоже не очень. Сердце, конечно, может быть, алхимик примет. Но тоже сомнительно.

— Зато зубы, когти — наверное, алхимик всё-таки примет.

— Видно, что волк не такой уж матёрый. С одной стороны, это хорошо — мясо в таверне точно купят. А с другой — недостаточно маны накопил в когтях и зубах.

— Ладно, договорились. Разделаю.

— Ну, если за работу брать, то с тебя бы ещё пять монет. Но так и быть, за объём скидку сделаю — три монеты сверху.

Итого шкура твоя — десять монет, минус три за работу. На руки получишь семь.

— А сколько примерно разделывать будешь?

— Ну, не знаю. Сейчас я немножко занят. Но я вот здесь, в теньке, положу — мясо не испортится. Через полчасака возьмусь. Разделаю быстро — скорее всего, опыт есть, рука на работу набита. И шкуру могу, и меч выковать. Тебе, кстати, меч не нужен? Может, броня?

Он уважительно на меня посмотрел.

— Колдун, значит, — протянул кузнец. — Ну, колдуны нам тут тоже нужны. Не пропадёшь.

— Как вообще умудрился-то его убить?

«Вот, растем. Даже здоровенный кузнец одобрительно смотрит», — подумал я.

— Сам не знаю, от страха, наверное, получилось. Но обосрался я знатно, когда увидел, что он из кустов на меня выбегает. Кстати, не подскажешь, почему они так странно себя ведут? Или это обычное явление — бросаются волки?

— Ну, это же не простой волк. Хотя сейчас и простых-то нет, ни фи́га — все какие-то мутанты. Магические звери, итить их. Иногда такое поведение есть, но не всегда. Да, ты прав, это всё-таки не часто случается. Необычно. А где ты его увидел?

— Да где, где — собирал траву возле стены. Думал, безопасно.

— Ладно, давай. Я часа через два подойду к тебе. Мясо заберу, попробую сдать в таверне.

Развернулся и пошёл по направлению к алхимику.

Я развернулся и зашагал прочь от кузнечного навеса. В кармане было пусто, но зато в голове уже звенели будущие септимы — за мясо, за шкуру, за всё. Главное — выбить из алхимика цену за травы, а там и до первой настоящей монеты рукой подать.

Выйдя из-под навеса, я машинально потянулся к капюшону — старая привычка. Но пальцы замерли, едва коснувшись грубой ткани. Какого хрена? Я и так уже примелькался в своей чёрной рясе с самодельным рюкзаком. Кто хотел заметить — уже заметил. А слепым ходить в Рифтене — верная смерть. Я отдёрнул руку и оставил голову открытой, лишь

проверил, легко ли выходит кинжал из рукава.

Площадь жила своей жизнью. Я двигался в её потоке, но как будто отдельно. Взгляд скользил по лицам, фигурам, рукам — выхватывал детали и тут же отбрасывал.

Вертялый. У лотка с рыбой. Слишком нервный, слишком чистая одежда для торговца. Встретился со мной глазами — тут же уткнулся в товар. Стучит? Или просто трус? Запомним.

Наркот. Каджит у стены. Мутные глаза, блаженная улыбка, мелкая дрожь в пальцах. Скуума или лунный сахар. Безвреден. Пока.

Идейный. Молодой стражник с выправкой имперского легионера. Чеканный шаг, взгляд прямо, на лице написано «Я тут, чтобы навести порядок». Опасен своей непредсказуемостью. В Рифтене такие либо быстро гниют, либо становятся хуже бандитов. Чёртов судья Дред скайримской закалки.

Продажный. Второй стражник, постарше. Привалился к перилам, жуёт соломинку. Проводил «Идейного» долгим, скучающим взглядом, потом посмотрел на меня — и равнодушно отвернулся. Этому плевать. Если что и можно будет решить за септимы — то через него. Но и сдаст за те же день-

ги.

Я свернул в проулок, ведущий к нижнему ярусу. Здесь во- няло по-другому — не рыбой и дымом, а сыростью, плесе- нью и немывыми телами. У стены, прямо на земле, сидели двое. Старик с лицом печёного яблока спал, прижимая к гру- ди пустую бутылку. Рядом — мужик помоложе, с пустым, отрешённым взглядом. Обитатели Крысиной норы. Не опас- ны. Опустившиеся.

И тут — движение. Быстрое, почти невидимое. Тень от- делилась от стены и скользнула в боковой проход. Я успел заметить только мягкие сапоги без звука и тёмную куртку, обтягивающую жилистое тело. На поясе — несколько коше- лей. Взгляд — цепкий, оценивающий, на мгновение задер- жался на мне и тут же ушёл. Гильдия. Не шестёрка. Хорошо, что я для него — просто мусор.

Сердце ёкнуло, но шаг я не сбил. Не показывать страха. Не показывать, что заметил. Просто ещё одна тень в Рифтене.

Рюкзак за спиной почти не ощущался. После волчьей ту- ши он казался пушинкой. Это даже придавало сил — мол, смотрите, какой я живучий.

Наконец, знакомая дверь с выцветшей ретортой. Я толк-

нул её и вошёл в царство резких, дурманящих запахов. Алхимик, как и в прошлый раз, стоял за прилавком и что-то растирал в ступке. Увидев меня, он прекратил работу и вопросительно уставился.

— Чего на этот раз? Опять вопросы про устройство мироздания или всё-таки по делу?

Я молча стянул рюкзак, поставил его на свободный край прилавка и откинул тряпичную крышку. Внутри, аккуратно разложенные по пучкам, лежали мои утренние трофеи. Я вытащил один из пучков — синеватые цветы с колючими стеблями, стараясь не уколоться.

— Вот. Посмотри, что сегодня насобирал. Только ты уж не обессудь — как они называются, я не знаю. Всё свежее, срезал аккуратно, старался не мять. Есть тут ещё светящиеся грибы, их прямо у стены у воды нашёл. Какой-то мох с камней соскребал. И корень выдернул — видишь, кривой такой, пахнет странно. Тыквы вон там, в большом отделении. И гриб с берёзы, его тоже в лесу нашёл. Пшеница и лук — те с фермы, не знаю только, годятся ли они для алхимии.

Он отложил ступку, вытер руки о передник и, тяжело вздохнув, подошёл к моему рюкзаку. Смотрел он на него, как на мешок с костями — без особого энтузиазма, но с профес-

сиональным любопытством.

— Ладно, давай посмотрим, что тут у нас...

Он начал выкладывать мои пучки на прилавок. Один за другим, медленно, словно смакуя. Сначала синие цветы — повертел, понюхал, хмыкнул. Потом грибы — поскрёб шляпку ногтем, поднёс к свету. Мох — просто отложил в сторону, даже не глядя. Собачий корень — вот тут он задержался. Покрутил в пальцах, понюхал, даже лизнул, гад. Добрался до тыкв — повертел одну в руках, хмыкнул. И наконец взял ссохшийся берёзовый гриб, который я срезал вместе с корой.

Закончив, он обвёл рукой весь этот натюрморт и заговорил. Не мне — скорее, сам себе.

— Значит, смотри сюда. Вот это, — он ткнул пальцем в синие цветы, — горный вереск. Беру. Три септима за пучок. Нормально срезал, не помял. Это, — грибы, — светящиеся. Тоже беру. По два за штуку. Их много не бывает, алхимики любят. А вот это, — он взял мох двумя пальцами, как дохлую мышь, — даже не знаю. Мох-бородач. Он, конечно, везде растёт. Но ты его хоть высушил нормально, не гнилой. Ладно, так и быть. Один септим за всё.

Он сделал паузу, взял в руки Собачий корень и покачал головой.

— А вот это — вещь. Корень хороший, свежий. Сок ещё не высох. Такой алхимики подороже берут, для зелий силы или яды там всякие... Но ты смотри, — он поднял палец, — такие корни, они как те магические бомбы, что имперские инженеры мастерят. Осечка пятьдесят на пятьдесят. Пони-маешь? Один раз попадётся ядрёный — и зелье заиграет. А другой — как трава пустая. Тут уж как повезёт. Я рискну. Пять септимов за корень.

Он перевёл взгляд на тыквы и хмыкнул.

— А это... дикая тыква. Пара септимов за всё. В зельях вы-носливости иногда используют, но ценность невелика. Это гриб с берёзы, — он покрутил в пальцах чагу, — тоже сла-бенький, но беру. Ещё септим.

Потом его взгляд упал на пшеницу и лук, которые я тоже выложил на край прилавка. Алхимик только махнул рукой:

— А это пшеница, лук? Такое мне в любой момент с ферм поставить могут, извини. Не алхимический товар.

Он быстро пошевелил губами, подсчитывая в уме.

— Восемнадцать септимов. Но ты это... извини, брат. Сезон сейчас, травников много. Цены упали. Могу только пятнадцать дать. Остальное — сам понимаешь. Лавка, аренда, налоги ярлу... Короче, пятнадцать. Берёшь?

Он смотрел на меня выжидающе, чуть склонив голову. В глазах — ни наглости, ни жалости. Чистый бизнес.

Я чуть не хмыкнул вслух. «Осечка пятьдесят на пятьдесят... Прямо как те гранаты из „Брата“. Только там Токарев, а тут — алхимик. Интересно, с каких это пор я ему уже „брат“? Значит, не часто к нему с таким объёмом приходят. И Динью уважает... Ладно, наглеем чутка».

Я расправил плечи и посмотрел ему прямо в глаза.

— Пятнадцать? Ну, ты даёшь. Мох я, между прочим, уже сухой собрал. Не гнилой, сам же сказал. А корень это твои возможные — осечка не осечка, а свежий, сок ещё не высох. Сам же нюхал. И грибы аккуратно срезаны, не ломаные. Двадцать семь — вот нормальная цена.

Я сделал паузу, заметив, как у него чуть дрогнула бровь. Продолжил, чуть смягчив тон:

— Но ты сестру Динью уважаешь, я вижу. И ко мне по-человечески. Так и быть, как брату скину. Двадцать септимов — и разошлись. Соглашайся. Тебе и самому невыгодно, чтобы я к другому алхимику пошёл. В Рифтене, конечно, ещё есть кому сдать, но ты ж понимаешь — лучше иметь своего постоянного сборщика.

Я замолчал и скрестил руки на груди, всем видом показывая, что торг окончен.

Алхимик помолчал, пожевал губу, потом хмыкнул и махнул рукой:

— Двадцать... Уел, брат. Ладно, по рукам. Динья про тебя говорила — упёртый. Теперь вижу. Давай сюда свои травы, сейчас деньги отсчитаю.

Я улыбнулся и развёл руками, показывая на свою рясу:

— Только вот незадача. Карманов-то у меня нет. Слушай, у тебя случайно нет какого-нибудь мешочка для септимов? А то рассыплю всё по дороге.

Алхимик оживился, в глазах мелькнул знакомый торговый блеск.

— Мешочек? Есть у меня один. Для порошочка держал. Чистый шёлк, практически. За септим отдам.

«Ага, „чистый шёлк, практически“», — хмыкнул я про себя. — «Септим за мешочек? Да ты, опять наглым образом обманываешь. Ладно, пусть будет».

— По рукам. Давай сюда свой шёлк.

Он протянул мне небольшой тканевый мешочек. Я взвесил его на ладони — лёгкий, но крепкий. Сгодится.

— Кстати, не подскажешь, где твоя помощница? Хотел предложить ей одну бизнес-идею.

Алхимик нахмурился, пересчитывая монеты.

Я кивнул, делая то же самое но, в уме, свои будущие финансы.

— Ты уж определись — ты мой поставщик или её. И парень, не лез бы ты к ней. Отправит она тебя куда-нибудь, где сгинешь. Хотя девчонка да, очень-очень перспективная. Я прямо горжусь своей ученицей.

— Ладно, я подумаю, — ответил я, мысленно отметив,

как он преобразился.

— Да я просто поговорить, — пожал я плечами. — Ладно, проехали.

— Ещё хотел тебя спросить, — я понизил голос, — а ты зелья второй категории почём продаёшь?

«Поди все двадцать септимов и уйдут», — мысленно вздохнул я.

Алхимик задумался, потом махнул рукой:

— Смотря какое зелье. Простое восстановление сил, чистая химия, слабый эффект, лёгкая магическая составляющая — септимов сорок-восемьдесят. Что-то посерьёзнее, например восстановление здоровья, — стоит сто-сто пятьдесят септимов. Но для тебя, как для знакомого, могу скидку сделать. Если ещё трав принесёшь — так я вообще в минус уйду. А эликсиры третьей категории сам знаешь почём, тебе столько травы не принести.

— И еще вопрос, — я облокотился на прилавок. — У тебя случайно нет каких-нибудь зачарованных предметов? В аренду ненадолго взять. На пробу, так сказать.

Алхимик усмехнулся, но в глазах мелькнуло любопытство.

— Зачарованные предметы, говоришь? Я алхимик, а не маг. Но кое-что есть. Кольцо с защитой от яда — сто септимов. Амулет на восстановление сил — сто пятьдесят. Но в аренду не даю, парень. Сам понимаешь. Могу продать. А могу обменять на что-нибудь интересное.

Он выжидающе посмотрел на меня. Я кивнул, пересчитывая в уме свои будущие финансы.

— Ладно, я подумаю.

Забрав деньги и мешочек, я попрощался и вышел из лавки. Двадцать септимов минус один за мешочек — девятнадцать в кармане. Не густо, но уже что-то.

Он уже отвернулся к своим склянкам, потеряв ко мне интерес. Я забрал мешочек с септимами, затянул горловину и сунул его за пазуху — всё лучше, чем в несуществующие карманы. Девятнадцать септимов. Почти состояние для того, кто ещё вчера жрал похлёбку из милости.

Уже у двери я обернулся:

— Слушай, а всё-таки — ученица твоя... Она из богатеньких, да? В тех кругах вертится... Может, всё-таки подойти к ней? Глядишь, через неё какие заклинания раздобыть можно. Или хоть наводку.

Алхимик хмыкнул, не поднимая головы от ступки:

— Отправит она тебя куда-нибудь, где сгинешь. Хотя девчонка да, очень-очень перспективная. Я прямо горжусь своей ученицей. Но тебе, парень, я бы не советовал. Себе дороже.

— Похоже, он даже не замечает, как повторяет одно и то же по нескольку раз. Но его преобразование, как будто переключается между двумя режимами работы, когда дело до торговли доходит. Какой интересный человек.

Я кивнул, запоминая. «Не советуешь — и ладно. Но пометку в голове сделаем. Богатенькая, перспективная, вхожа в высшие круги Рифтена. Может, и правда пригодится. Когда-нибудь потом».

Толкнул скрипучую дверь и вышел наружу.

Вечерний Рифтен встретил меня привычной сыростью и запахом канала. Народу на площади поубавилось, но тени в

проулках стали гуще. Я постоял пару секунд у двери, привыкая к полумраку. «Здесь, у входа в эту клоаку, мне вряд ли что грозит. Да и рядом — вход в рассадник воров, тут они своих не трогают... наверное. Но вот стоит отойти — и всё. Опасаться надо каждой подворотни».

Мысль о заклинании пришла сама собой. «А что, если приготовить его заранее? Чтобы в случае чего — сразу швырнуть, не тратя время на концентрацию? Но как его спрятать? В руке нести — привлеку внимание, местные маги так не ходят. Да и стража может принять за агрессию».

Я огляделся. На земле у стены лавки валялась пара пустых корзин — видимо, алхимик выставил ненужную тару. Я наклонился, поднял одну, самую целую. Перевернул — получилось что-то вроде небольшого ведёрка без дна, только плетёное.

Решение пришло мгновенно. Я присел на корточки, прилонившись спиной к стене лавки, и сделал вид, что поправляю рюкзак. Левую руку опустил вниз, прикрыл её корзинкой, поставив ту на землю. Со стороны — просто бродяга возится со своим скарбом.

Закрыв глаза. Концентрация. Уплотнение маны во второй чакре. Инфоблок, скопированный с ножа, — тот самый,

«молния». Я почувствовал, как в ладони начал формироваться шар. Покалывание, лёгкое гудение. Я не дал ему разгореться в полную силу — просто удерживал, подпитывая тонкой струйкой маны. Шар висел в ладони, скрытый корзинкой, и едва заметно потрескивал.

«Вот так. Если что — просто метну из-под корзинки. Эффект неожиданности».

Я осторожно поднялся, держа левую руку с корзинкой чуть в стороне от тела. Правая свободна — на всякий случай, чтобы дёрнуть нож из рукава. Проверил — рукоять на месте, резинка держит. Порядок.

Теперь можно идти. К кузнецу схожу позже, мясо никуда не денется. Сначала — в храм. Надо отдать деньги Динье на хранение. Не таскать же с собой всё, что заработал. В Рифтене это верный способ остаться и без септимов, и без жизни.

Я поправил рюкзак, покрепче перехватил корзинку с притаившейся внутри молнией и быстрым, но не суетливым шагом двинулся в сторону храма Мары. Тени сгущались, но в руке у меня было кое-что посерьёзнее молитвы.

Направился в путь, свернул в проулок, ведущий к храму. Здесь было тише, только где-то вдали лаяла собака. Я уже

предвкушал, как доберусь до своей каморки и скину наконец этот чёртов рюкзак.

И тут из-за угла, со стороны рыночных рядов, на меня буквально вылетел человек.

Я даже не успел понять, откуда он взялся — только что проулок был пуст, и вдруг прямо передо мной возникла фигура в дорогом, но измятом камзоле. Он нёсся, не глядя по сторонам, и впечатался в меня всем весом.

Инстинкты сработали раньше мозга. Я выбросил руки вперёд, чтобы смягчить удар или оттолкнуть. Левая рука с корзинкой упёрлась ему в грудь.

Разряд.

Человек вздрогнул всем телом, выпрямился, как натянутая струна, задёргался в мелкой судороге и рухнул навзничь. Корзинка отлетела в сторону, из-под неё вырвался сноп искр и погас.

Я замер, глядя на распростёртое тело. «Твою мать. Только не это».

Он лежал неподвижно, глаза закатились, изо рта вытекла

тонкая струйка слюны. Я присел на корточки, дрожащими пальцами нащупал жилку на шее. Есть. Сердце бьётся — часто, с перебойми, но бьётся.

«Уф, жив. Как груз с плеч».

Я огляделся. Проулок по-прежнему пуст. «Если оставлю его здесь — точно ограбят, а то и прирежут. Останется без одежды, без денег, а может, и без жизни».

Мысли неслись вскачь. Первое — моя реакция ни к чёрту. Вместо того чтобы отшагнуть или перехватить, я выставил руки с заклиниванием. Второе — хорошо, что заряд был слабый, а то лежал бы тут уже труп. Третье — надо что-то делать.

Я начал растирать ему грудь, потом руки, ноги — пытался разогнать кровь, чтобы дыхание восстановилось. Он застонал, веки дрогнули. «Очнётся — ещё хуже будет. Надо тащить к людям».

До поста стражника у ворот — рукой подать. Я подхватил его под мышки и поволок, стараясь не бить головой о камни. Тяжёлый, зараза. От него разило дорогим вином и какими-то благовониями. Богач или торговец — одно другому не мешает.

Издали я уже видел знакомую фигуру у жаровни. Хротар. Заметил меня, нахмурился, а когда разглядел, что я волоку тело, сорвался с места и побежал навстречу.

— Стража! Стража! — заорал он на бегу. — Что случилось?!

Я даже не думал врать. Усталость и шок сделали своё дело.

— Да вот, иду я, гляжу — лежит. Может, сознание потерял, кто его знает. Может, спугнул кого. По голове вроде не били, целая. Решил не оставлять, тащу. Куда его лучше — в храм или к вам?

Хротар присел, быстро ощупал голову незнакомца, потом грудь. Наткнулся на увесистый кошель и хмыкнул.

— В храм давай. Сейчас помогу. Только тихо, а то старший увидит — решит, что я пост бросил.

Он подал знак кому-то за моей спиной. Я обернулся — с двух сторон к нам уже спешили ещё двое стражников. Видимо, патруль неподалёку был. Втроём мы подхватили бесчувственное тело и быстрым шагом направились к храму Мары.

По дороге я не удержался:

— Слушай, а что вы в таких случаях делаете?

Хротар хохотнул, но как-то невесело.

— Ха-ха-ха. Обычно мы уже только голодранцев видим. Да ты сам в курсе. А чтобы кто-то при своих остался... Давно такого не было. Вон, — он кивнул на кошель, — чувствуется звон септимов. Повезло мужику, что на тебя нарвался, а не на кого другого.

Мы дотащили тело до дверей храма. Хротар остался объясняться с вышедшими на шум жрецами, а я, пользуясь моментом, скользнул внутрь и спустился в свою каморку. Скинул рюкзак, прислонил пустую корзинку к стене. Руки всё ещё подрагивали.

«Вот тебе и проверка заклинания. Чуть человека не угробил. А если бы он сердцем слабый оказался? Всё, Сим, теперь никаких экспериментов на людях. Даже случайных».

Я глубоко вздохнул и поспешил наверх — искать Динью. Деньги надо отдать на хранение, пока я опять во что-нибудь не вляпался.

Я поднялся наверх и сразу увидел суету у входа в храм. Динья вместе с другими служителями хлопотала вокруг пострадавшего. Тот уже сидел на лавке, растерянно оглядываясь по сторонам. Вид у него был ошарашенный — богатый камзол помят, волосы растрёпаны, но в целом живой и даже почти бодрый.

— Что случилось-то? — пробормотал он, хлопая себя по груди. Нащупал мешочек, взвесил в руке, потом ощупал карманы, одёрнул одежду. — Вроде всё на месте... Удивительно.

Хротар, стоявший рядом, выпятил грудь и важно произнёс:

— Да вот мы с другом вас нашли на улице, без сознания. Вы как себя чувствуете, господин? Всё в порядке, всё на месте?

Щёголь ещё раз оглядел себя, покачал головой:

— Да вроде всё цело. И кошелёк при мне. Чудеса...

— Значит повезло, — подхватил Хротар. — Видать, во-ришки испугались, убежали. Может, увидели, когда мы подходили. Можно сказать, вам крупно повезло.

— Благодарю, — щёголь расправил плечи и принял важный вид. — Я обязательно расскажу о случившемся тану. И вас найду, чем наградить.

Хротар скромно потупился:

— Ну, мы на службе. Это наш долг.

Я стоял в сторонке и разглядывал спасённого. «Кто бы это мог быть? Явно не маг — сильной концентрации в ауре магической энергии не чувствую. Богатый, при деньгах, упомянул тана... Может, из окружения ярла? Или купец какой важный? Только бы не тот тип, что заставлял Довакина лошадь красть. Вот уж с кем не хотелось бы пересекаться».

Щёголь тем временем поднялся, поблагодарил ещё раз жрецов и стражников и, опираясь на руку Хротара, направился к выходу. Видимо, решил не задерживаться в храме.

Я бочком подошёл к Динье, которая провожала процессию взглядом.

— Динья, можно вас на пару слов? Ненадолго.

Она кивнула и отошла со мной в сторону, к нише у статуи Мары.

— Что случилось, дитя?

Я понизил голос и заговорил быстро, пока никто не подошёл:

— Можно вас попросить об одолжении? Я сегодня продал алхимику травы, получил несколько септимов. Хотел бы у вас сохранить где-нибудь. Комната моя не запирается, а с собой таскать — сам видел, что в городе творится. Боюсь, и дня не продержусь.

Динья внимательно посмотрела на меня, потом мягко улыбнулась:

— Конечно, дитя. Я понимаю. Деньги в Рифтене — тяжёлое бремя. Давай сюда, я спрячу в надёжном месте. Никто, кроме меня и отца Марамала, туда не заходит.

Я вытащил из-за пазухи мешочек, быстро пересчитал монеты — девятнадцать септимов. Уже хотел отдать всё, но задержал руку.

— Уважаемая Динья, подождите. Я бы всё-таки взял два септима. Зайду в таверну, может, куплю ещё чего, пока не стемнело. А остальное — семнадцать — пусть у вас полежат.

— Хорошо, дитя, — она кивнула и взяла мешочек. — Иди с Марой.

Я высыпал в ладонь две монетки, спрятал их в складках рясы и быстрым шагом направился к выходу из храма. Теперь — к кузнецу. Мясо, когти, клыки и обещанные септимы за шкуру. Надо успеть до темноты.

У кузнечного навеса всё так же пылал горн. Кузнец, завидев меня, отложил молот и вытер руки о кожаный фартук.

— Приветствую, — начал я, чуть запыхавшись. — Извини, что задержался. Пришлось тут одного бедолагу до храма тащить.

Он махнул рукой:

— Да ладно, мы понятливые. Правда, и забыл уже про тебя — занят по горло. — Он провёл ребром ладони по шее — характерный жест. — Мы, норды, трудолюбивые. Особенно кузнецы. Тут заказ крупный пришёл, скучать некогда было.

Он кивнул в сторону бочки, стоявшей в тени у стены:

— Вон, твоя туша. В бочонок с водой положил, чтоб не

испортилась. А это — когти, клыки. — Он протянул мне небольшой свёрток. — И септимы твои, как договаривались.

Я взял свёрток, развернул — внутри лежали волчьи клыки и когти, аккуратно отделённые. В другом кулаке кузнец протянул семь монет.

— Спасибо, — я ссыпал септимы к тем двум, что уже были. Итого — девять. Уже что-то.

— Мясо забирай. Таверна «Пчёлка и Жало» ещё открыта, может, успеешь сдать.

Я кивнул, подошёл к бочке и с натугой вытащил освежёванную тушу. Тяжёлая, зараза. Взвалил на плечо, чувствуя, как холодная вода стекает по рясе.

— Ещё увидимся, — бросил я кузнецу.

— Бывай, колдун.

И я, шатаясь под тяжестью волчьей туши, побрёл в сторону таверны. По дороге привычно оглядывался по сторонам, но мысли уже были о другом. Сегодня всё равно нужно было постирать одежду. Надеюсь, вода в бочке осталась — на ночь глядя точно на лицу не нагой.

Таверна «Пчёлка и Жало» встретила меня гулом голосов и запахом жареного мяса, перебивающим даже вездесущую рифтенскую сырость. Ближе к вечеру здесь, как ни странно, былолюдно. Я вошёл, сразу окинув зал привычным уже цепким взглядом.

У входа, на лавке, привалившись спиной к стене, сидел Маркурио. Имперец-маг, сразу видно — дорожный плащ, на коленях пара увесистых книг в потёртых переплётах. Вид скучающий, пронизывающий, профессиональный. «Наёмник. Имперский маг. В игре продавался за пять сотен. Опасен, если нанять против тебя. Но в целом — просто ждёт клиента».

Чуть дальше, за длинным столом, шумная компания. Броня, оружие, кружки с элем. «Наёмники или охотники. Обычные работяги с большой дороги. Безвредны, если не задирать».

В углу, в одиночестве, цедил эль крепкий норд с длинными рыжими волосами и въедливым взглядом, который, казалось, подмечал всё и вся. «Бриньольф. Глава Гильдии воров. Тот самый, что в игре подходит с „продажей Фалмера“. Пока сам не подошёл — не опасен. Но лучше не привлекать его внимания». Я отвёл взгляд, сделав вид, что разглядываю

стойку.

У стойки мялся тот самый вертлявый тип, что попался мне на площади у колодца. Теперь он был без товара, просто крутил в руках пустую кружку и нервно озирался. «Перекупщик краденого. Кого-то ждёт. Или просто прячется».

За отдельным столом сидела тёмная эльфийка с цепким, оценивающим взглядом. «Сапфир. Член Гильдии воров. В игре выбивала долг у Шадра. Лучше не пересекаться».

И наконец, за столом у самой стены — массивная нордка в полном боевом облачении. Рядом с ней, заботливо пододвигая поближе тарелку с хлебом, суетился тщедушный импеец. «Мьолл Львица. Местная легенда, борец за справедливость. И её верный... друг? поклонник? Аэрин. В игре таскается за ней хвостом». Мьолл заметила мой взгляд, и я тут же отвернулся.

«Ахренеть компания, — подумал я. — Настоящий срез рифтенского дна. И пара тех, кто над ним возвышается».

Я подошёл к стойке и обратился к аргонианину:

— Как мне увидеть хозяина таверны?

Тот поднял на меня взгляд и прошипел с лёгким акцентом:

— Хоз-зйку-то мою? Она на кух-хне. А ты з-зачем интерес-суешься? Мяс-со, что ли, продать хочешь? С-случайно, не с-собака чья?

Я аж возмутился:

— Нет, конечно! Свежий молодой волк, мясо даже не жёсткое. А ты можешь мне с продажей помочь? Возьмёшь?

Аргонианин покачал головой:

— Не, я в мяс-се не рас-збираюсь. Вс-сё-таки тебе придётся пройти на кухню и с Киравой моей общ-щаться. Она у нас-с хозяйка.

Я закинул тушу обратно на плечо и двинулся в указанном направлении — через узкий коридор, который вёл в заднюю часть таверны.

Кухня оказалась небольшой, но уютной. У одной стены, прямо под вытяжкой, пылал открытый очаг — грубые камни, почерневшие от копоти, а над огнём на массивной железной раме висел большой чугунный котёл. От него шёл пар, пах-

нущий травами и варёным мясом. Рядом, на крюке, вращался вертел — сейчас пустой, но, видимо, его часто использовали для жарки. В углу примостилась небольшая кирпичная печь с полукруглым сводом — местный аналог хлебной печи, от которой тянуло теплом и запахом дрожжевого теста.

Вдоль стен стояли грубые деревянные полки, заставленные глиняными горшками, мисками, пучками сушёных трав и мешочками со специями. На полу, у входа, притулились две пустые бочки — судя по запаху, из-под эля. Посередине стоял массивный деревянный стол для разделки, весь в зарубках и пятнах.

И за этим столом, повернувшись ко мне спиной, стояла хозяйка — аргонианка Кирава.

Она была среднего роста, с крепким, жилистым телосложением — видно, что работа на кухне требует сил. Чешуя тёмно-зелёного, почти болотного оттенка, на спине и плечах переходила в более светлые, желтоватые тона. На голове — костяной гребень, характерный для аргониан, идущий ото лба к затылку и чуть нависающий над глазами. Сами глаза — ярко-жёлтые, с вертикальным зрачком, как у рептилии. Когда она обернулась на звук моих шагов, я заметил, что на скулах и подбородке чешуя мельче и светлее, а на шее виднеются едва заметные жаберные щели.

Одета она была просто, по-трактирному: грубая льняная рубаха с закатанными рукавами, поверх — кожаный передник, весь в пятнах от соусов и жира. На ногах — стоптанные, но крепкие башмаки.

Выражение её морды было... непроницаемым. Не враждебным, но и не приветливым. Скорее, оценивающим.

— Приветствую, хозяйка, — начал я, скидывая тушу на разделочный стол. — Мясо принёс. Свежий молодой волк. Говорят, ты можешь купить.

Кирава окинула взглядом тушу, и в её жёлтых глазах мелькнул профессиональный интерес. Говорила она с лёгкими шипящими нотками — привычный акцент аргониан.

— Ну, нуж-шно ещё проверить, — прошипела она. — Скорее вс-сего, куплю. Любое мяс-со быс-стро рас-сходится-ся, да и я з-снаю, как нужно по-ос-обенному его приготовить. Люди вообщ-ще ничего не понимают в готовке волков. Ну-ка, ну-ка, пос-смотрим...

Она склонилась над тушей и начала осматривать её с видом заправского мясника. Длинные когтистые пальцы пробежали по остаткам шкуры, ощупывая подкожный слой.

Потом она перевернула волка на бок, оценила цвет мяса на срезе, понюхала.

— Молодой, да-с-с... — забормотала она себе под нос. — Ж-шира маловато, но для волка это нормально. Мышцы плотные, не дряблые... Хорош-шо бегал, значит, мяс-со будет упругим. С-свежее. Но... зубов нет, когтей нет. Ш-шкура с-снята. Это, конеш-шно, убыток для меня. Я бы и ш-шкуру взяла, и з-субы с когтями — они тоже в дело идут.

Она выпрямилась, вытерла руки о передник и посмотрела на меня:

— Ладно. Мяс-со хорош-шее. За тушу дам двадцать два с-септима. Это хор-рошая цена, не с-сомневайся.

— А если бы с зубами и когтями? — спросил я, уже пред-вкусая.

Кирава прищурилась:

— Ну, будь они при мне, дала бы на два с-септима больш-ше. Двадцать четыре, а то и двадцать пять. Но ты ж-ше их где-то ос-ставил, верно?

Достал из-за пазухи свёрток, который кузнец передал:

— Вообще-то они у меня с собой. Вот, погляди.

Я вытащил свёрток, который дал кузнец, и развернул его на столе. Волчьи клыки и когти тускло блеснули в свете очага.

Кирава склонилась над ними, поцокала языком, повертела один клык в пальцах:

— Ну-с-с, это меняет дело. С-свежие, целые. Да, два с-септима с-сверху — с-справедливо. Итого двадцать с-семь за вс-сё. С-соглас-сен?

— Согласен, — кивнул я, стараясь не выдать радости. Двадцать семь септимов — да это целое состояние! Плюс те девять, что уже есть — тридцать шесть монет. С такими деньгами можно уже что-то планировать.

Кирава уже отвернулась к очагу, давая понять, что разговор окончен.

— Деньги у Тален-Джея воз-сьмёшь, за с-стойкой. И это... мяс-со пус-сть пока з-сдесь полеж-шит, я с-сама раз-берус-сь.

Я вышел из кухни и снова оказался в общем зале. Тален-Джей стоял за стойкой и протирал кружки. Увидев меня, он отложил тряпку и вопросительно уставился. Я обернулся через плечо — в дверном проёме кухни стояла Кирава. Она кивнула и прошипела:

— Двадцать с-семь с-септимов. Отс-считай ему.

Тален-Джей понимающе моргнул и принялся отсчитывать монеты. Я ссыпал их в мешочек, кивнул обоим и уже собрался уходить, как вдруг почувствовал — что-то изменилось.

Воздух в таверне стал гуще. Разговоры не стихли, но тон их сделался ниже, напряжённее. Я обвёл зал взглядом, стараясь не привлекать внимания.

Маркурио, имперский маг, больше не читал книгу — он сидел, откинувшись на спинку лавки, и с интересом наблюдал за дальним углом. Там, где раньше спокойно цедил эль Бриньольф, теперь стояли двое — сам глава Гильдии воров и какой-то здоровенный норд в грязной броне. Норд нависал над Бриньольфом, тыкал пальцем ему в грудь и что-то говорил.

— Ты, скивер вонючий, думаешь, я не знаю, чьих это рук дело?! — прорычал норд

Мьолл Львица напряглась, положила руку на рукоять топора. Аэрин испуганно вжался в стул.

Вертлявый перекупщик у стойки вдруг резко побледнел и начал пробираться к выходу, стараясь не смотреть в сторону конфликта. Сапфир, тёмная эльфийка, наоборот, подалась вперёд, хищно улыбаясь.

«Драка. Сейчас начнётся. Надо валить».

Я не стал дожидаться развития событий. Мешочек с деньгами — за пазуху. Левая рука сама дёрнулась поправить нож в рукаве, но я тут же одёрнул себя. «Мусорная привычка. Так спалиться можно в два счёта. Надо избавляться».

Я быстрым, но не бегущим шагом направился к двери. Краем глаза заметил, как Бриньольф что-то тихо сказал норду, и тот вдруг осёкся, отступил на шаг.

Я вышел на улицу, и в тот же миг за спиной раздался звон разбитой кружки и чей-то вскрик. Дверь захлопнулась, отрезая шум. «Вовремя я».

Вечерний Рифтен встретил меня привычной сыростью. Я перевёл дух и быстрым шагом направился в сторону храма.

Тридцать шесть септимов приятно оттягивали мешочек за пазухой. День определённо удался.

Я перевёл дух и быстрым шагом направился в сторону храма.

«Жаль, конечно. Хотел ещё пообщаться с трактирщиком. Надо бы найти какие-нибудь дополнительные заклинания или зачарованные вещи. Хорошо бы раздобыть заклинание восстановления здоровья, да даже на худой конец — восстановление выносливости. Эх, может, завтра зайду. А то так к полноценным тренировкам и не приступлю».

Планы, планы... Сначала выжить, потом уже качаться.

У входа в храм я заметил, что народу прибавилось — видимо, начиналась вечерняя молебня. Я успел как раз вовремя. Быстро прошёл внутрь, сел на скамейку с краю и приготовился к привычной уже медитации под мерный голос Марамала.

Но сегодня что-то пошло не так. Молебня длилась дольше обычного. Может, праздник какой, а я и не знаю? Я пытался сосредоточиться на уплотнении маны, но чувствовал, как усталость в ауре достигла какого-то критического уровня. Энергетические каналы гудели, словно перегруженные про-

вода, а вторая чакра пульсировала тупой болью. Я еле досидел до конца, стараясь не ёрзать.

Наконец, прихожане начали расходиться. Я поднялся, чувствуя, как ноют мышцы и как непривычно пусто в резерве маны. Надо бы поесть и лечь спать, но сначала — важный разговор.

Я подошёл к Марамалу, который уже собирался уходить в свою келью.

— Отец Марамал, можно вас на пару слов?

Он обернулся и кивнул, приглашая следовать за ним в боковой придел.

— Что тревожит тебя, дитя?

— Не то чтобы тревожит... — я замялся, подбирая слова. — Я хотел спросить про подвал. Ну, тот коридор перед входом в мою комнату. Я там видел всякий хлам, старые корзины, бочки... Думал, может, порядок там навести. Опасаюсь что-то сделать не так, вот и решил сначала спросить. Хотелось бы как-то реорганизовать пространство. И, если вы не против, сделать себе небольшой спортивный уголок. Чтобы можно было заниматься физическим развитием, не выходя

на улицу. А то в Рифтене, сами знаете, лишний раз маячить опасно.

Я сам удивился, как легко и правильно сложились слова на местном языке. Ни одной русской мысли не проскочило — видимо, мозг уже начал адаптироваться.

Марамал задумчиво пожевал губу, потом кивнул:

— Что ж, желание похвальное. В подвале и правда скопилось много ненужного. Там раньше была кладовая для храмовых припасов, но потом мы перенесли всё в другое место. Если хочешь — можешь навести там порядок. Только ничего не ломай и не выбрасывай без спроса. И если найдёшь что-то ценное — отдай мне или Динье.

— Конечно, отец. Спасибо.

— Да пребудет с тобой Мара, дитя. А теперь иди, ужин скоро.

Я поклонился и поспешил в трапезную. Есть хотелось зверски.

Трапезная встретила меня привычным гулом голосов и запахом похлёбки. Я взял свою порцию, сел на свободное ме-

сто и принялся за еду. Взгляд сам собой обвёл помещение.

Лесник хромал к раздаче за добавкой — привычно. Послушник, как всегда, ел быстро и молча, уткнувшись в миску. Дворника не было — видимо, уже закончил и ушёл. Кухарка всё так же молча стояла у котла.

И тут я заметил новое лицо. За дальним концом стола сидел крепкий мужик в простой, но добротной одежде. Руки мозолистые, на поясе — кожаный чехол с инструментами. «Плотник или каменщик. Взгляд спокойный, уверенный. Ест не торопясь — видно, что работа тяжёлая, но не голодает. На храмовых, наверное, подрядился — крышу латать или стены. Опасности не представляет».

Я кивнул ему, встретившись взглядом. Он ответил коротким кивком и вернулся к еде. «Запомним. Может, пригодится — если понадобится что-то починить или соорудить в моём будущем спортивном уголке».

Ужин прошёл без происшествий. Я съел всё до последней капли, чувствуя, как тепло разливается по телу. После такого дня еда казалась особенно вкусной.

Выйдя из трапезной, я направился к себе. Тело гудело от усталости, но в голове уже крутились планы на завтра: разо-

брать подвал, найти что-то для тренировок, может, снова сходить к алхимику или в таверну. А пока — короткая медитация на восстановление и сон.

Спустившись в подвал, я первым делом окинул взглядом фронт работы. Коридор перед моей комнатёнкой был завален всяким хламом: старые ящики, разошедшиеся бочки, груды тряпья, сломанная мебель. Я прошёлся вдоль завалов, открывая крышки, заглядывая внутрь, прикидывая в уме, что куда можно переложить.

В одном углу обнаружилась груда раздолбанных ящиков — доски торчат, стенки проломлены, но древесина ещё крепкая. «Отлично. Разберу, соберу макивару. Как раз для набивки рук и ног. Только мягкую обмотку сделать надо — незачем портить суставы и деформировать костяшки».

В другом — несколько дырявых мешков. «Хм. Если соединить вместе, слоями, может, получится что-то вроде набивного мешка. Не боксёрская груша, конечно, но к стенке прикрепить можно. Для начала сгодится».

Тяжёлых грузов, увы, не нашлось. Зато я наткнулся на пару старых, но крепких глиняных кувшинов с широким горлом. «Отличная вещь. Наполню песком — и таскать, как гири. И для махов, и для тяг». Отложил в сторону.

Тут же валялись палки разной длины, обрывки верёвок, тряпьё для набивки — уже считай, всё, что нужно для начала. Жаль, штанги не раздобыть. Но можно попробовать найти где-нибудь тяжёлый молот или бревно. Благо, когда бродил по берегу, уже много чего для себя отметил. И камни разного веса, и коряги.

«Вот мы все учились понемногу...» — усмехнулся я про себя, присаживаясь на перевёрнутый ящик.

Воспоминания нахлынули сами собой. Чем я только не занимался в той, прошлой жизни. В детстве, когда не было возможности выбирать — ходил туда, куда брали. Бокс, борьба, карате кёкусинкай. Всё попробовал. Потом, когда уже работал в органах, узнали, что я вольник — и почему-то начали отправлять на все соревнования подряд. Самбо, дзюдо, гири... От ударных старался отказываться — хватило в детстве. Позже увлёкся муай-тай, но здоровье уже не слишком позволяло.

Параллельно всегда ходил в качалку. Очень хотелось попробовать что-то типа ножевого боя или исторического фехтования, но увы — и возраст, и спортивные травмы. Зато с появлением ютуба смотрел всё подряд: и джиу-джитсу, и грэпплинг, и ударные техники. Самое обидное — теперь столь-

ко всего знаешь и про методики, и про приёмы, а раньше приходилось только на опыте спаррингов да поездках на соревнования учиться.

Так и жил: ходил в качалку, иногда занимался тренерской деятельностью. Сертификат получить было несложно, а опыт всей жизни — от подвальной качалки до разных залов — только в помощь. Диетологию подтянул — раньше-то больше на ощущения полагались, а теперь и голые цифры разбираю.

«Подниму физуху здесь, а потом, может, к кому-нибудь в ученики попрошусь. Эх, опять деньги...»

Мысли сами собой перетекли к дому. Хорошо хоть магазин успел на сына отписать. С женой мы давно не общались, но расстались спокойно, мирно. Сын всё больше со мной пропадал, частенько и дочурки-близняшки приезжали. Эх, накатила ностальгия...

«Ладно, всех вырастил, всех подняли с женой. Нечего отвлекаться».

Я тряхнул головой, прогоняя непрошеные мысли. Здесь и сейчас — другая жизнь. Надо обустроиваться. Завтра с утра, как проснусь, начну разбирать этот хлам, а пока — спать.

Я поднялся, ещё раз окинул взглядом будущий спортивный уголок и направился в свою каморку. Завтра будет тяжёлый день.

Прежде чем лечь спать, заставил себя сесть на топчан и провести короткую медитацию. Просто чтобы не терять наработанное.

Сначала — восстановление. Процесс уже привычный с инфоблоком «заживление», уделяя особое внимание ушибленным местам и ноющим мышцам. Царапины затянулись, синяки пожелтели.

Потом — массаж мозга. Тонкая струйка маны, направленная в область висков и лба. Лёгкое покалывание, тепло. Мысли стали яснее, но ненадолго — усталость брала своё.

Увеличивать объём маны я сегодня не стал. Хватит. Вместо этого решил попрактиковать каст двух своих заклинаний — просто чтобы закрепить ощущения.

Первое — «Молния». Потрескивая, он повис в воздухе. Я подержал его пару секунд, потом, не зная, как разवेять, просто швырнул в каменную стену. Раздался хлопок, запахло озоном, на камне осталось тёмное пятно. «Как прервать

каст и не тратить энергию впустую?»

Второе — копия эффекта мантии. Тот самый инфоблок «накопление маны». Я наложил его на свою ауру и почувствовал, как поток внешней энергии усилился. А потом, не снимая его, накинул на плечи саму мантию.

И тут меня ждал сюрприз. Эффект удвоился. Приток маны стал ощутимо плотнее, быстрее. «Странно. Вроде одно и то же заклинание, а суммируется. Или это не совсем заклинание, а... настройка ауры? Мантия задаёт один канал, мой инфоблок — второй. Вместе работают».

Я попытался подвесить третий инфоблок — может, ещё один слой? Не вышло. Концентрация поплыла, мысли начали расползаться. «Нет, не сегодня. Для поддержания первого заклинания нужно какое-то внимание, благо мантия работала сама. Нужно периодически отвлекаться и подпитывать заклинание, как с этим справляются местные, непонятно. Может, потом, когда опыта наберусь».

Я задумался о том, как кастуют местные маги. По идее, они тоже подвешивают инфоблоки в ауру. Но визуально это выглядит иначе: их заклинания словно вплетаются в саму ткань ауры, становятся её частью и не требуют постоянной поддержки. А мой — висит, как приклеенный, и всё время

норовит развеяться, если ослабить внимание. «Что-то я делаю не так. Может, у моих инфоблоков нет завершённости? Не хватает какой-то „замковой“ структуры, которая держит форму сама? Эх, выучить бы хоть одно местное заклинание...»

Но где? Единственный известный мне маг — Маркурио, да и тот наёмник. В Коллегию Винтерхолда путь неблизкий, да и кто меня туда пустит? В игре можно было разгуливать где хочешь, а здесь — сразу спросят, какого хрена ты здесь делаешь, отброс. Или право нужно подтверждать наличием силы, чтобы тебя самого приглашали в такие общества.

«Ладно. Будем решать проблемы по мере поступления. Сначала — физуха и деньги. Потом — магия».

Я запустил в стену, что покрепче, активный инфоблок, стянул мантию и, не раздеваясь, рухнул на топчан. Сон навалился мгновенно — тяжёлый, без сновидений.

Глава 8. Травник

Пробуждение не радовало — тяжёлое и болезненное. Я открыл глаза, почувствовал, как ноет каждая мышца, и первым делом сел медитировать. Без восстановления сегодня точно не встану.

Полчаса практики «заживление». Постепенно боль ушла, мышцы налились привычной тяжестью, а не свинцовой усталостью. Жить можно.

Я поднялся, размялся и выглянул в коридор. В храме стояла тишина — даже служители ещё не проснулись. «Рано. Очень рано. Разбирать хлам сейчас — только шум поднимать. Значит, займёмся тихими тренировками».

В каморке, сел на топчан и задумался. Вчера я так и не научился развеивать заклинания. Инфоблок «Молния» приходилось просто запускать в стену, чтобы освободить концентрацию. Но теперь стена уже не та — деревянная перегородка, в которую я бил вчера, заметно потемнела в месте попадания. «Так и пожар устроить недолго. Надо менять стену на каменную. Или, ещё лучше, научиться развеивать».

Я закрыл глаза чтоб лучше прочувствовать, как это вообще должно работать? Местные маги, судя по моим обрывочным наблюдениям, просто отпускают заклинание, и оно само рассасывается в пространстве. Но у меня так не выходит — мой инфоблок, оставленный без внимания, начинает расползаться, теряет форму и выплёскивает остатки энергии хаотично. Значит, нужен другой подход.

Я сформировал в ладони крошечный электрошар — слабый, едва потрескивающий. И вместо того чтобы бросить или просто перестать поддерживать, попытался перекрасить его. Мысленно сменил информационный посыл с «разряд» на «нейтральная манна». И тут же почувствовал, как структура инфоблока начала меняться. Потрескивание стихло, шар стал просто сгустком тёплой, чуть светящейся энергии. Обычная манна, без свойств.

Теперь — отпустить. Я перестал концентрироваться, и шар начал медленно таять, впитываясь обратно в мою ауру. Не в окружающую среду, а именно в меня. Лёгкое покалывание прошло по каналам — манна вернулась в резерв.

«Получилось. Не развеять, а впитать. Это даже лучше — экономия».

Я повторил упражнение несколько раз: сформировал

«Молнию», перекрасил, впитал. Потом попробовал наоборот — взять нейтральный сгусток маны и превратить его в электрошар. Это оказалось сложнее: инфоблок «Молния» требовал чёткой концентрации и правильного «звучания». Но с каждым разом выходило всё быстрее.

«Вот и ещё один приём в копилку. Перекрашивание маны. А если потренироваться, может, получится менять свойства на лету?»

Приёмов работы с маной набиралось всё больше: уплотнение, концентрация во второй чакре, копирование инфоблоков с предметов, каст, восстановление, а теперь ещё и перекрашивание с поглощением. «Где ж на всё время взять? Тут бы физухой заняться, подвал разобрать, денег заработать... И ведь это только начало».

За окном начало светать. Пора было заканчивать с тихими упражнениями и готовиться к новому дню.

Когда в храме начали собираться на утреннюю молебню, я уже был в зале. Сел на своё привычное место с краю, прикрыл глаза и погрузился в медитацию. Сегодня решил сосредоточиться не на уплотнении маны, а на работе самой чакры — того самого насоса между Манипурой и Свадхистаной. Я пытался почувствовать её ритм, её «дыхание». Вчера и так

прилично нагрузился. Чувствую, нужно восстановиться. Получалось пока смутно — только глухой, далёкий гул. Но даже это давало странное ощущение связи с чем-то бóльшим, чем собственное тело.

Молебня закончилась, и я вместе со всеми направился в трапезную.

Завтрак без сюрпризов. Всюду серость, те же лица: лесник с добавкой, молчаливый послушник, кухарка у котла. Плотник, вчерашний новенький, снова сидел на своём месте — видимо, работа в храме затянулась. Я машинально отметил его уверенные, скупые движения и спокойный взгляд. «Надо бы и насчёт двери в комнату с ним поговорить». Чувствую себя участником сна в сериале «Твин Пикс».

Наскоро проглотив похлёбку, я поднялся и направился к себе. Впереди — разбор подвала и первые настоящие тренировки с новым инвентарём.

Спустившись в подвал, я первым делом окинул взглядом фронт работы. Коридор перед моей комнатёнкой был завален всяким хламом: старые ящики, разошедшиеся бочки, груды тряпья, сломанная мебель. Я прошёлся вдоль завалов, открывая крышки, заглядывая внутрь, прикидывая в уме, что куда можно переложить.

Первым делом решил вынести всё, что можно, на задний двор — чтобы не мешалось под ногами и рассортировать при дневном свете. Ящики, корзины, бочки, тряпьё — всё это перекочевало наружу. Крупногабаритные вещи, которые я точно не собирался вытаскивать и использовать, пришлось просто двигать с места на место, освобождая пространство. Даже так они мешали, но без них было не обойтись — сначала нужно было добраться до каждого угла.

Я открывал крышки, заглядывал внутрь, перебирал содержимое. В основном хлам: сломанные инструменты, гнилые верёвки, черепки. Но кое-что ценное всё же нашлось. В одном из ящиков, прикрытый ветошью, лежал небольшой деревянный футляр. Я открыл его и замер.

Три пузырька. Тёмного стекла, с плотными пробками, залитыми воском. Жидкость внутри одного отливала золотистым, другого — зеленоватым, третьего — бледно-голубым. И главное — я чувствовал явное, отчётливое магическое свечение. «Эликсиры. Причём не простые. Второй категории, как минимум. Алхимик говорил, что они уже почти зачарованные».

Я осторожно повертел футляр в руках. «Брать или не брать? С одной стороны — не моё. С другой — они тут ва-

лялись, видимо, забытые. Если я их просто изучу, а потом отдам Марамалу — разве это воровство? Скорее, временное пользование в исследовательских целях». Решил, что так и сделаю. Проведу эксперименты, попробую понять принцип их действия, а потом верну. В конце концов, это же храм Мары — здесь должны поощрять тягу к знаниям. Наверное.

Футляр я аккуратно отложил в сторону, чтобы позже перенести в свою комнату. Остальные находки были куда прозаичнее: детали для будущего инвентаря, которые я сразу складывал отдельно. Доски, палки, мотки верёвок, куски кожи. Всё это перекочевало в мою каморку, и к концу первого этапа уборки комната была просто завалена хламом. Но зато в подвале стало просторнее.

Дальше начался второй этап — возвращение нужного обратно. Я расставлял ящики вдоль стен, компактно, чтобы оставался широкий проход. Крупные, крепкие ящики оставил в центре — на них можно было совершать подъёмы, через некоторые перепрыгивать. Пара широких досок, уложенных на два ящика, превратилась в импровизированную скамью для жима. Ещё один ящик, поставленный вертикально, стал основой для будущей макивары.

В одном углу обнаружилась груда раздолбанных ящиков — доски торчат, стенки проломлены, но древесина ещё

крепкая. «Отлично. Разберу, соберу макивару. Как раз для набивки рук и ног. Только мягкую обмотку сделать надо — незачем портить суставы и деформировать костяшки». В другом — несколько дырявых мешков. «Если соединить вместе, слоями, может, получится что-то вроде набивного мешка. Не боксёрская груша, конечно, но к стенке прикрепить можно. Для начала сгодится».

Тяжёлых грузов не нашлось. Зато вспомнил, что натыкался на пару старых, но крепких глиняных кувшинов с широким горлом. «Еще пометил для себя тогда.. Наполню песком — и таскать, как гири. И для махов, и для тяг». Отложил в сторону.

Тут же валялись палки разной длины, обрывки верёвок, тряпьё для набивки — уже считай, всё, что нужно для начала. Жаль, штанги не раздобыть. Но можно попробовать найти где-нибудь тяжёлый молот или бревно. Благо, когда бродил по берегу, уже много чего для себя отметил. И камни разного веса, и коряги.

Когда основная работа была закончена, я собрал весь строительный материал — доски, бруски, обрезки — и вынес на задний двор. Там же, во дворе, есть дровница для кухни, может, и топор можно раздобыть. А пока нужно было решить вопрос с песком и утяжелителями.

Настало время принести песка. Тут я вспомнил, что весь грязный как не знаю кто — я же давно планировал постираться, но так и не сделал этого. Вечером надо обязательно заняться. Приготовился к вылазке. В принципе, так же как и в прошлый раз, только далеко ходить не надо было — один выход из Рифтена выходил прямо на причал рыбацких лодок. Там неподалёку я нашёл нужный мне состав песка. Таскал вёдрами деревянными. Всё равно оглядывался, но всё же безопаснее, чем через лес. Сбился со счёта, сколько принёс в общей сложности. Даже пока таскал, Хротар успел сменить Питера. Смотрели они на меня, конечно, с любопытством. И выход у них был соседний, они меня видели, но близко не подходили. Мне кажется, даже я где-то услышал: «Опять этот бешеный что-то придумал».

Была задумка, после реализации которой я просто принёс полные вёдра рыбы. Сначала в одном месте, потом отошёл чуть подальше, к заливу, и уже там пустил «Молнию» в водоём, где через прозрачную воду виднелось большое скопление рыбы. Как ни странно, много рыбы всплыло кверху брюхом. Я разделся до портков, то, что не вошло в вёдра, оставил на берегу, перетаскал за несколько ходок — всего вышло два с половиной раза. Молчаливая кухарка смотрела на меня настороженно, но рыбу приняла и показала, куда складывать.

На самом деле всё вместе заняло у меня времени почти до вечера, я даже умудрился пропустить обед. В перерыве всё-таки сделал короткую медитацию на восстановление — всё же лучше, чем ничего. Также я решил не через лес, а через город дойти до тех брёвен, которые заметил у берега. Перетаскал их по одному — в итоге вышло пять бревен. Осталось раздобыть где-то топор, чтобы довести брёвна до ума. Некоторые брёвна пришлось тащить волоком, благо нашёл какую-то верёвку. Самое тяжёлое бревно, которое долго лежало в воде, но на вид сухое, я еле дотащил с большим количеством перерывов ито волоком.

Теперь у меня были материалы. Я стоял над брёвнами и понимал: без топора дальше никуда. Не тащить же их целиком в подвал — надо обтесать, укоротить, придать форму. Значит, нужен инструмент.

«Можно, конечно, купить. У кузнеца. Но сколько он стоит? В игре вроде недорого, а в реальности... кто его знает. Может, попробовать одолжить? Или вообще найти где-нибудь?»

Решил для начала сходить к кузнецу. Хотя бы узнать цену. Если что — всегда можно вернуться и поискать на заднем дворе храма. Там же точно чем-то дрова колют.

Путь до кузницы лежал через рыночную площадь. Я шёл, привычно оглядываясь по сторонам. У колодца снова крутился вертлявый перекупщик — сегодня он был не один, а с каким-то подростком, которому что-то втолковывал. «Обучает смену, что ли?» У лотка с рыбой толкались две женщины — одна торговалась, другая лениво отмахивалась. «Обычные горожанки, безвредны».

У поворота к кузнице я заметил давешнего «идейного» стражника. Он стоял, скрестив руки на груди, и смотрел прямо на меня. Я сделал вид, что не замечаю, и прошёл мимо, не ускоряя шаг. «Пусть смотрит. Я ничего не нарушаю».

Кузнец был на месте. Увидев меня, он отложил молот и хмыкнул:

— Опять ты, колдун. Чего на этот раз? Опять шкуры?

— Топор нужен, — ответил я без предисловий. — Не боевой, а чтобы брёвна обтёсывать. Что посоветуешь?

Кузнец задумчиво почесал бороду и кивнул на стойку с инструментами:

— Смотря какой. Есть колун — тяжёлый, для дров. Таким и бревно расколоть можно. Есть плотницкий — полегче, для

чистой работы. А есть походный — небольшой, на все руки. Тебе, гляжу, для хозяйства.

— И сколько?

— За колун просил бы пятьдесят септимов. За плотницкий — сорок. За походный — тридцать. Но тебе, как знакомому, могу за тридцать пять отдать плотницкий. Или за двадцать восемь походный.

Я мысленно прикинул свои финансы. Тридцать шесть септимов — всё, что у меня есть. Отдавать почти всё за топор... неразумно. А вдруг завтра понадобятся деньги на что-то более важное? Еда, зелья, заклинания?

— А одолжить на время можно? — спросил я без особой надежды.

Кузнец хохотнул:

— Инструмент — он как оружие. Его либо своё иметь, либо никак. Вдруг сломаешь? Мне потом новые заказы делать нечем. Так что извини, вой. Только продажа.

Да интересное слово «вой» или мне показалось или это похоже на старославянское слово воин. Это английский ана-

лог. Опять удивляюсь, что происходит с языковыми навыками в моей голове.

Я кивнул, поблагодарил и развернулся. «Тридцать пять септимов... Почти всё, что заработал за день. Нет уж, поищу на заднем дворе. Не может быть, чтобы в храме совсем ничего не нашлось».

Возвращался я той же дорогой. «Идейный» стражник уже ушёл — вместо него у поворота стоял «продажный», лениво ковыряя ногтем щербину на алебарде. Он проводил меня равнодушным взглядом и отвернулся.

На заднем дворе храма я сразу направился к пленнице. И точно — рядом, вбитый в здоровенный пень, торчал колун. Вид у него был... потрёпанный. Ржавчина по обуху, рукоять вся в зазубринах, лезвие тупое, словно им не дрова кололи, а камни дробили. Но сталь ещё крепкая, это видно.

«Вот он, родимый. Бери и пользуйся».

Я выдернул колун из пня, повертел в руках. Тяжёлый. Рукоять, конечно, менять надо, но пока стодится. Не совсем подходит для задачи, но за неимением гербовой. Лезвие можно подточить — благо, точильный камень у меня есть.

В своих владениях, достал из комода тот самый серый камушек и принялся за работу. Методично, смачивая поверхность водой, водил лезвием по шершавой плоскости. Ржавчина сходилась медленно, но сталь под ней была ещё живая. Через полчаса колун уже мог срезать волос с руки. Ну, почти.

«Не идеал, но для моих задач хватит. А рукоять потом можно у плотника заказать. Когда деньги появятся».

Я отложил колун, вытер пот со лба и посмотрел на брёвна, сиротливо лежавшие у входа во двор. Теперь у меня есть инструмент. Можно начинать.

Теперь — обработка брёвен. Первое, самое длинное, я планировал вкопать прямо в комнате-складе. Убрать пару камней, выкопать яму — и получится универсальный столб для отработки ударов, набивки и метания ножей. Второе и третье брёвна — отягощения разного веса: одно для приседаний и жима, другое — самое тяжёлое, для становой тяги. Четвёртое, тонкое, обмотаю тряпьем и подвешу на балке — выйдет груша. Пятое, то в мой рост и весом около 100-120 кг буду использовать как снаряд для отработки бросков, подсечек и тому и тому подобное.

Остальное, что требовало тонкой работы, я решил заказать плотнику. Список: макивара, тяжёлая дубинка вроде би-

ты, кольца на верёвках, несколько щитов для метания. Я обтесал брёвна, насколько мог колуном, и подготовил заготовки для мастера.

На обеде я заметил того самого мужика, которого раньше определил как плотника. Сегодня он снова сидел за дальним концом стола, неторопливо ел похлёбку и, кажется, никуда не спешил. Я взял свою миску и, не спрашивая разрешения, сел напротив.

— Доброго дня. Ты ведь по дереву работаешь?

Он поднял на меня глаза — спокойные, серые, с лёгким прищуром. Руки у него и правда были мозолистые, но не такие, как у плотника, что всю жизнь топор в руках держит. Скорее, как у человека, который умеет обращаться с разным инструментом, но не заиклен на одном ремесле.

— Не сказал бы, что плотник, — ответил он, прожевав. — Так, по хозяйству всё могу. Починить, сколотить, подогнать. А тебе что нужно-то?

— Мне бы кое-какой инвентарь сделать. Для упражнений. Макивару, дубинку тяжёлую, может, кольца деревянные. Материал у меня есть — доски, бруски, кое-что уже подготовил. А вот руки и инструмент нужны.

Он отложил ложку и задумчиво посмотрел на меня.

— Макивара — это что за зверь?

Я усмехнулся и, достав из-за пазухи припасённый уголёк, придвинул к себе чистую доску, что лежала на краю стола — видимо, вместо подставки под горячее.

— Смотри. Это доска, примерно в мой рост. Вкапывается в землю или крепится к тяжёлому основанию. Сверху обматывается тряпьем или кожей. По ней бьют руками и ногами, чтобы набивать костяшки и голени. Вот здесь, — я начертил примерную схему, — она должна немного пружинить, но не ломаться.

Мужик кивнул, разглядывая мой примитивный чертёж.

— А дубинка? Тоже для битья?

— Дубинка — тяжёлая, из плотного дерева. Как бита, но крупнее, и к концу расширяется, чтобы вес сместить. Ей не бьют по живому — по брёвнам, по мешкам. Для укрепления хвата и плеч и просто как груз используют.

Я набросал ещё один рисунок. Он снова кивнул, уже с ин-

тересом.

— И кольца, говоришь... На верёвках подвешивать?

— Да. Два кольца деревянных, чтобы к балке крепить. Для подтягиваний и всякой гимнастики.

Мы долго мерились. Я называл размеры в привычных мне сантиметрах, потом переводил в местные меры — он мерил пядями, локтями, даже пальцами. Путались, переспрашивали, но в конце концов, пришли к пониманию.

— Ладно, — сказал он наконец, отодвигая доску с чертежами. — Сделаю. Материал твой? Хорошо. За работу возьму двенадцать септимов.

Я покачал головой:

— Двенадцать — это много. Работы тут на полдня, не больше. Материал мой, инструмент, я так понимаю, у тебя свой. Давай восемь.

Он пожевал губу, потом махнул рукой:

— Десять. И сделаю всё на совесть. Доски подгоню, дубинку отшлифую, кольца ровные вырежу. Не стыдно будет

людям показать.

— По рукам, — я протянул ладонь.

Он хлопнул по ней своей — крепкой, сухой, с твёрдыми мозолями.

— Материал оставь на заднем дворе, у поленницы. Завтра с утра возьмусь. К вечеру, может, и закончу.

— Договорились.

Я доел похлёбку, чувствуя, как настроение ползёт вверх. Дело движется. Медленно, со скрипом, но движется. Теперь у меня будет свой уголок. Свой зал. Пусть убогий, пусть самодельный — но мой. А это уже половина успеха.

День клонился к вечеру. Я постирал одежду в бочке — вода, к счастью, ещё оставалась, хоть и на доньшке. Завтра надо будет снова набрать. Кое-как отмылся сам, смывая с себя пот, древесную труху и рыбную слизь, и успел на вечернюю молебню.

В храме, сел с краю и прикрыл глаза. Молитвы текли мимо сознания — я снова погрузился в медитацию на уплотнение маны во второй чакре. Сегодня получалось чуть лучше: гул

стал отчётливее, а поток энергии — плотнее. Но усталость брала своё.

После ужина вернулся в каморку. Спать хотелось нещадно, но я пересилил себя. Теперь — каст заклинаний. Сформировал «Молнию», подержал, перекрасил в нейтральную манну и впитал обратно. Повторил. И ещё раз. Потом то же самое с инфоблоком «накопления», скопированным с мантии. С каждым разом выходило всё быстрее.

Мысли текли вяло, цепляясь одна за другую. Эликсиры так и лежат в футляре — надо бы разобраться с их действием. Завтра, может, ещё раз сходить к алхимику. И плотнику заплатить. И тренировки начинать.

А ещё вспомнилось, как в одной книжке читал: опытный маг может перехватывать летящие заклинания. Переписывать их инфоблок на лету или даже поглощать, превращая в чистую манну. Тут же в памяти всплыл камень Атронарха — тот самый, что поглощает магию. Видимо, в его основе лежит специализированный инфоблок, настроенный именно на захват и нейтрализацию внешних заклинаний. «Вот бы раздобыть такой... Или хотя бы понять принцип. Но это потом. Сначала — база».

Я развеял последний инфоблок (вернее, впитал, перекра-

сив), растянулся на топчане и закрыл глаза. Завтра будет новый день. И, кажется, не менее тяжёлый, чем сегодня.

С этими мыслями я провалился в сон. Следующий день обещал быть не менее насыщенным.

Пробуждение было стандартным — тяжёлым, с ломотой во всём теле и единственным желанием не шевелиться. Заставить себя сесть, да это было просто физически больно. Восстановление, заживление, массаж мозга. И я хотябы смог начать дышать без боли.

В храме собирались на утреннюю молебню. Я занял своё привычное место с краю и погрузился в медитацию на чакры. Сегодня чакры гудели ровнее, а поток маны казался чуть плотнее. Может, сказывались вчерашние упражнения с перекрашиванием и уплотнением. Или просто энергетические оболочки начинали привыкать.

Завтрак прошёл без сюрпризов. Те же лица: лесник с добавкой, молчаливый послушник, кухарка. Плотника не было — видимо, уже взялся за работу. Я наскоро проглотил полхлёбку и вышел на задний двор.

Материалы, что я приготовил для него, лежали на прежнем месте у поленницы. Значит, ещё не забрал. Может, ждёт,

пока я сам принесу? Ладно, позже разберусь. Сейчас главное — эликсиры.

В своих квадратах, достал из-под топчана деревянный футляр и открыл. Три пузырька: один с жидкостью, отливающей красноватым золотом — цветом жизни, крови, тепла. Второй — зеленоватый, третий — бледно-голубой. Вчера я думал о том, чтобы попробовать считать с них инфоблоки. Сегодня, на свежую голову, самое время.

Сел на топчан, скрестил ноги, взял первый пузырёк. Откупоривать не стал — мне нужна не жидкость, а её информационный слепок. Закрыв глаза и потянулся к флакону аурой и вниманием.

Сначала — только гул стекла и слабое, едва уловимое свечение. Потом — отклик. Инфоблок оказался сложнее, чем у мантии или кинжала: в нём чувствовались слои. Восстановление, заживление, ускорение регенерации... И что-то на самом дне — химический отклик, который я пока не мог расшифровать. Но основа была ясна.

Я создал в ладони шар уплотнённой маны — чистый носитель. И аккуратно, слой за слоем, начал переносить на него считанную с зелья программу. Шар постепенно наливался красновато-золотым светом — цветом, который у меня все-

гда ассоциировался с жизненной силой. Через несколько секунд в руке висел готовый к применению инфоблок.

«Получилось. Даже легче, чем вчера с молнией. Тренировки дают результат».

Теперь — проверить, как он работает.

Первое — метнуть в стену.

Я встал, отошёл к дальней стене каморки и швырнул красновато-золотой шар в каменную кладку. Он мягко врезался в поверхность, растёкся светящимся пятном и начал гаснуть. Я пригляделся. Камень остался камнем, но крошечный пучок мха, пробившийся между кладкой, вдруг едва заметно зазеленел и чуть распушился. Словно его на секунду ускорили в росте. Потом всё замерло.

«Логично. Заклинение ищет, на что воздействовать. Нашло мох — попыталось „вылечить“ и „ускорить регенерацию“. Но без живой клеточной структуры, без ауры тела — эффект микроскопический. Манна почти вся ушла впустую».

Второе — поместить в ногу, в район сустава.

Сел обратно, вытянул правую ногу. Колено ныло ощутимо — вчерашние нагрузки давали о себе знать. Сформировал новый шар, поменьше, и аккуратно поднёс к суставу. Инфоблок коснулся кожи и начал впитываться.

Эффект почувствовался почти сразу. Тепло разлилось по колену, проникло глубже, в связки и суставную сумку. Боль не просто притупилась — она начала отступать, словно её вытесняли. Появилось лёгкое покалывание, как при заживлении царапины, только изнутри. Мышцы вокруг расслабились, ушло напряжение. Я осторожно согнул и разогнул ногу — движения стали заметно свободнее.

Но вместе с теплом пришло и другое ощущение — голод. Резкий, почти волчий. Желудок сжался, требовал еды. «Понятно. Организм использовал свои ресурсы для регенерации. Магия дала команду и энергию для ускорения, а строительный материал взяла из тела. Без химической поддержки зелья эффективность — процентов сорок, не больше. Но и это впечатляет».

Через пару минут эффект прекратился — заряд иссяк. Колено чувствовало себя значительно лучше, чем до эксперимента. Не идеально, но уже не напоминало о себе при каждом движении.

«Работает. Но дозировка маленькая, расход маны приличный. Серьёзную рану так не вылечить — либо много таких шаров, либо всё-таки пить само зелье, и после первого применения запас ресурсов в организме кончается, последующие падают в эффективности ещё на десять процентов».

Третье — поместить в ауру.

Сформировал третий шар и «повесил» его прямо на внешнюю оболочку ауры. Красновато-золотое свечение растеклось по контуру тела. Почувствовал слабое тепло, мелкие царапины зачесались. Но инфоблок начал тянуть манну из резерва — медленно, но непрерывно.

Попробовал подпитывать. Получилось. Но расход — почти треть резерва за пару минут. Оставишь надолго — вычерпает до дна. К тому же эффект на всё тело был заметно слабее, чем локальный на колене.

«Вывод: аура-версия даёт общий эффект, но жрёт манну безбожно. Локальное применение эффективнее и экономичнее».

Я впитал остатки, перекрасив их в нейтральную манну, и вернул в резерв. Резерв потрачен почти наполовину. На сегодня хватит. Теперь мои утренние инфоблоки будут совсем

другие, окрашенные.

Мысли о зеленоватом зелье — выносливость.

С ним, скорее всего, та же история. Инфоблок будет ускорять восстановление мышц, снимать усталость, возможно — кратковременно повышать тонус. Но без химической составляющей эффективность — процентов сорок-шестьдесят. Магия может, например, восстановить запасы креатина в клетках или ускорить синтез АТФ, но молочная кислота из мышц не уйдёт полностью, общая усталость останется. При последующих опытах всё подтвердилось.

«Это надо учитывать. Если грамотно применять: сначала выложиться на тренировке до предела, потом — зелье выносливости, оно поднимет резервы, потом — зелье жизни, залечит микротравмы и даст гиперкомпенсацию. Организм будет восстанавливаться быстрее, адаптироваться к нагрузкам эффективнее. По моим прикидкам, эффективность одной тренировки можно повысить чуть ли не на порядок. Даже с учётом накопления общей усталости».

По голубому зелью — к алхимику.

С ним я пока не экспериментировал. Цвет нехарактерный. Может, защита от магии, может — что-то с сопротивлением

холоду или ядам. Лучше сначала спросить у Элгрима, а потом уже пробовать копировать. Заодно и про ученицу разузнаю.

Я почувствовал, как остатки инфоблока, прекратив подпитку манной, израсходовали какой-то свой запас и растворились в ауре. Резерв потрачен почти наполовину, но останавливаться не хотелось. В голове билась одна мысль: «Суставы. Колени, голеностопы, локти, плечи. В прошлой жизни именно они ограничивали всё. Сколько раз я бросал тренировки из-за боли в колене? Сколько раз не мог выложиться на все сто, потому что боялся, что сустав снова воспалится? А здесь... здесь у меня есть магия. И я могу их восстановить. Прямо сейчас».

Я вскочил с топчана, накинул скинутую мантию — во время считывания она только мешала чувствовать тонкие потоки, но теперь, наоборот, была нужна. Сразу ощутил знакомый приток маны, усиленный моим собственным инфоблоком накопления. Двойной насос.

Начал с разминки. Медленные вращения коленями, приседания без веса, выпады. Тело слушалось неохотно, суставы поскрипывали, мышцы ныли после вчерашнего. Попеременно формировал маленькие красновато-золотые шары и отправлял их в колени — сначала в правое, потом в левое.

Тепло разливалось по суставам, боль отступала, появлялась лёгкость.

«Ах, ни хрена ж себе!» — мысленно выдохнул я, когда после очередного приседания колено не просто не хрустнуло, а мягко, послушно согнулось до конца. Я тут же нагрузил его сильнее — выпад вперёд, задержка, перенос веса. Никакой боли. Только тепло и ощущение, что сустав стал моложе лет на десять.

Перешёл к голеностопам. В прошлой жизни я постоянно подворачивал правую ногу — связки были растянуты, и любое неловкое движение грозило травмой, у этого тела дела обстоят ещё хуже. Сейчас я сел на пол, вытянул ноги и принялся методично «поливать» голеностопы заживляющей манной. Круговые движения стопами, сгибания-разгибания, и с каждым циклом — новый инфоблок. Через десять минут я уже не чувствовал привычной скованности. Суставы словно смазали изнутри.

Потом — отжимания. Широким хватом, узким, на кулаках. После каждого подхода — пара секунд на концентрацию и красновато-золотой шар в локти и запястья. Манна уходила быстро, но мантия и инфоблок накопления работали, восполняя резерв. Я словно подключился к розетке и одновременно тратил энергию на восстановление. Невероятное

ощущение.

Закончил растяжкой. Наклоны, скручивания, всё медленно, с контролем. Позвоночник тоже получил свою порцию заживления — я аккуратно вёл манну вдоль позвоночного столба, стараясь не перегружать нервные узлы. Поясница, вечно ноющая после сна на жёстком топчане, наконец замолчала.

Я выпрямился, перевёл дух и прислушался к телу. Оно отвечало благодарной тишиной. Нигде не тянуло, не ныло, не хрустело. Я чувствовал себя... целым. Как будто сбросил лет двадцать износа. И это только начало.

«Господи... Да с такими возможностями я смогу тренироваться каждый день на пределе. Восстанавливать суставы после ударных нагрузок, залечивать микротравмы сразу, не накапливая усталость. Это же прорыв. Не просто прокачка — это путь к пиковой форме без инвалидности в сорок лет».

Я стоял посреди каморки, тяжело дыша, и глупо улыбался. Потом спохватился — скоро утренняя молебеня, надо успеть. Быстро накинул куртку поверх мантии, поправил волосы и вышел в зал.

Медитация во время службы сегодня шла особенно лег-

ко. Тело не отвлекало, мысли не метались — я просто делал привычные процедуры, наслаждаясь отсутствием боли. После — завтрак. Ел жадно, с аппетитом, поглощая похлёбку и хлеб, словно организм требовал строительного материала для всего, что я сегодня «починил».

И только покончив с едой, я позволил себе вернуться мыслями к оставшимся зельям и планам на день. «Теперь — к алхимику. Узнать про голубое. А потом... потом можно и тренировку полноценную провести. С таким восстановлением я горы сверну».

В комнате взял голубое зелье — то, по которому нужна консультация. Футляр с оставшимися двумя спрятал под топчан, накинул куртку и вышел из храма. Утренний Рифтен уже проснулся: у колодца ругались две торговки, у входа в «Пчёлку и Жало» аргонианин Тален-Джей вытряхивал половик, а у стены, где вчера сидели бродяги из Крысиной норы, теперь валялась только пустая бутылка.

Шёл быстро, не привлекая внимания. У поворота к рынку мелькнул знакомый вертлявый перекупщик — сегодня без подростка, зато с объёмным свёртком под мышкой. «Опять что-то толкает. Ну и пусть».

Лавка алхимика встретила меня привычным запахом трав

и скрипом двери. Элgrim, как всегда, стоял за прилавком и толлок что-то в ступке. Увидев меня, он даже не прервался.

— Опять ты. Травы принёс? Или вопросы?

— Вопросы, — я подошёл к прилавку и достал из-за пазухи бледно-голубой пузырёк. — Вот, хочу понять, что это. Цвет незнакомый, свойства тоже. Не краденое, клянусь.

Элgrim отложил ступку, взял пузырёк, повертел в пальцах, прищурился. Откупорил, понюхал, тут же закрыл.

— Сопротивление холоду. Зелье второй категории. Не самое ходовое здесь, на юге, но в Виндхельме или Данстаре за него отвалили бы хорошие деньги. Пьёшь — и мороз тебе нипочём, и ледяные заклинания слабее бьют. Дорогая штука.

«Сопротивление холоду. Интересно. Если скопировать инфоблок, можно будет ходить в одной куртке хоть до самого Виндхельма. Или перед боем с магом льда вешать на ауру. Пригодится».

— Спасибо. Слушай, у тебя есть маленькие флаконы? Герметичные, чтобы зелье не выдыхалось. Не для яда, если что. Три таких, и ещё один побольше — для напитков, что ли.

Алхимик хмыкнул, наклонился и выудил из-под прилавка деревянную коробочку. Внутри, в гнёздах, лежали крошечные стеклянные пузырьки с притёртыми пробками. Рядом поставил флакон побольше — как раз на одну-две порции.

— Маленький — септим. Большой — два. Герметичные, пробки воском можно залить, если хочешь.

— Беру, — я отсчитал пять септимов. — И ещё... Ты же этот флакон сейчас открывал. Печать нарушена. Можешь восстановить?

— Прямо сейчас? — Элgrim взялся за баночку с сургучом.

— Нет, погоди. У меня ещё два таких же дома. Я их тоже вскрывал аккуратно, смотрел. Если я принесу все три, ты посмотришь, оценишь — не выдохлись, не испорчены? И поставишь свою печать. Получится, что ты подтверждаешь: зелья нормальные, годные. Для меня это важно.

Алхимик задумался, пожевал губу.

— Хм. Хочешь, чтобы я своим именем поручился, что товар качественный? За просто так я этого делать не стану. Но

если заплатишь за осмотр и опечатывание — по септиму за флакон, так и договоримся, — тогда посмотрю. Если всё в порядке, запечатаю.

— Договорились. Тогда я позже зайду с остальными.

— Заходи. Только не тяни, а то зелье и правда выдохнется.

Я кивнул, убрал пустые флаконы и большой флакон за паху, а голубой, пока без печати, положил в кармашек на поясе. Всё равно дома отолью из него пробник, а потом уже принесу обратно.

Обратно шёл тем же маршрутом, но уже не так торопясь. Утро разгоралось, людей на улицах прибавилось. У колодца теперь толпился народ, у лотка с рыбой стояла очередь. Никто не обращал на меня внимания — обычный горожанин в потрёпанной куртке.

В храме сразу спустился в каморку. Достал футляр с зельями, открыл. Теперь у меня есть во что отлить понемногу каждого. Аккуратно, стараясь не пролить ни капли, перелил часть золотистого зелья в один маленький флакон, часть зеленоватого — во второй, часть голубого — в третий. Пробки притёр плотно, проверил — не текут. Оригиналы закрыл как можно плотнее и убрал обратно в футляр. Вечером или зав-

тра отнесу Марамалу, предварительно запечатав у алхимика.

«Теперь у меня есть образцы для копирования. И совесть чиста — зелья я не украл, только позаимствовал на время. А с инфоблоками разберусь, глядишь, и вовсе не понадобятся оригиналы».

День только начался, а дел уже выше крыши. Материалы для плотника готовы — надо их передать, обговорить сроки. С инвентарём пока спешить некуда: пока мастер сделает заказ, пока я сам всё соберу и установлю... А вот с подпиткой надо что-то решать уже сейчас. Зелье зельем, а организм требует ресурсов. После сегодняшнего заживления жрать хотелось зверски, а похлёбкой сыт не будешь, если нагрузки возрастут.

«Энергетик... В этом мире он, считай, уже есть. Скуума — не вариант. Лунный сахар — дорого и незаконно. А вот обычный сахар? Его, наверное, можно раздобыть у торговцев. Соль и так на каждой кухне. Вода — вот она. Смешать — получится простейший изотоник. А если ещё и рулет добавить — тот самый, что местные так любят, — вообще отлично. Сахар, жиры, немного белка. Организм при дефиците сам переработает что надо в энергию и стройматериал, а с заживлением и состав крови будет держаться в норме. Гемоглобин не упадёт, микроэлементы не вымоются. Надо будет

прикупить сахара и соли про запас».

И ещё одна мысль мелькнула: «А что, если ускорить метаболизм сразу после еды? Повесить на ауру заклинание восстановления или жизни — оно же ускоряет регенерацию. Может, и усвоение пищи пойдёт быстрее. Надо будет проверить».

Эх, опять бегать туда-сюда. Ладно, для себя же делаю. Тем же маршрутом вернулся к алхимику. С собой взял только три зелья и деньги. Сумку для них спросить так и не удосужился — опять вылетело из головы.

В лавке на этот раз было пусто. Элgrim всё так же возился со своей ступкой, но, увидев меня с футляром, отложил работу.

— Быстро ты. Показывай.

Я выставил на прилавок все три пузырька. Золотистый, зеленоватый, бледно-голубой.

— Вот. Два я вскрывал аккуратно, смотрел содержимое. Голубой ты сам открывал. Оцени.

Алхимик взял первый — золотистый. Откупорил, поню-

хал, капнул капельку на палец, растёр. Прищурился.

— Восстановление здоровья. Второй категории. Запах ровный, осадка нет. Хорошее. Не выдохлось.

Закрыл, отставил. Взял зеленоватый. Те же манипуляции.

— Выносливость. Второй категории. Тоже свежее. Травяная основа чувствуется, пропорции грамотные. Годное.

Голубой уже нюхал, но всё равно откупорил снова, придирчиво осмотрел.

— Сопротивление холоду. Всё в порядке. Можешь забирать, пока не выветрилось.

Я кивнул, и он принялся за работу. Достал сургуч, разогрел над свечой, по очереди опечатал горлышко каждого флакона, ставя свой оттиск — маленькую реторту.

— Готово. Три септима с тебя.

Я отсчитал монеты, спрятал зелья обратно в футляр. Теперь это не просто находка из хлама, а товар, подтверждённый местным экспертом. Марамалу будет проще принять их обратно, а я смогу честно сказать, что ничего не украл, толь-

КО ИССЛЕДОВАЛ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.